

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2002 г.

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: www.mpgu.ru,
см. раздел «Издания МПГУ»
E-mail: rhema.pema@gmail.com

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

2.2017

THE FOUNDER:

Moscow State
University
of Education

The journal has been published
since 2002

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be
accessed via: www.mpiyu.pf

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Татьяна Юрьевна Журавлева – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета.

Илона Кишш – PhD (филология); публицист, переводчик, эксперт ЮНЕСКО, главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, эксперт по русской культуре издательств «Европа», «Магвето», «Типотекс», г. Будапешт, Венгрия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Павел Лавринцев – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Нерей Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Таллиннского университета, Эстония.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В.Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – кандидат филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Клара Эрновна Штайн – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education; professor of the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow State University of Education.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab., professor at the Chair of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow State University of Education.

Aleksandr Feduta – PhD in Philology; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab; professor of ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; publicist, translator, UNESCO expert, chief editor of the «Russian Quarter Journal» of Budapest Eötvös Loránd University, expert on the Russian culture of Hungarian publishing houses «Europe», «Magveto» and «Tipoteks», Budapest, Hungary.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; Associate Professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, The University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor of the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab., senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore»; senior research fellow at the School of Humanities, Tallinn University, Estonia.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab, professor full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the sector of typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor of the Department of Bulgarian, research fellow of the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, The Constantine of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor of the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Klara E. Shtayn – Dr. Phil. Hab., full professor; professor at the chair of the Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab, full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil.Hab, professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab, full professor; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Tatiana Yu. Zhuravleva – PhD in Philology; associate professor of the Department of Russian Literature, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor and leading research fellow of the Institute of Philosophy and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.И. Крупенина

Амбивалентный образ женщины-спектакля в романе
Дины Мьюлок «Оливия Ротсей» 9

А.М. Панов

Нынче сказки сокрыты: образы норвежских сказок
и народных легенд в одноименном стихотворении
Гунвор Хофму 18

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К.В. Богданова

Англоязычный дискурс ролевых видеоигр:
интертекстуальный аспект 27

Е.Ю. Иванова

Придаточное неосуществленного действия
в болгарском языке и его русские параллели 41

С.М. Калинин

Обзор современных подходов к улучшению точности
нейронного машинного перевода. 70

П.Р. Ярбилова, И.М. Кобозева

Способы образования адъективных номинаций
черт характера в аварском языке на фоне русского
и английского языков 80

МЕТОДИКА

М.И. Волкова

Дидактический потенциал актерской байки и анекдота
в обучении русскому языку как иностранному
будущих актеров и режиссеров. 103

LITERARY CRITICISM

M.I. Krupenina

The ambivalent image of the woman-performance
in the D. Mulock's novel «Olive» 9

A.M. Panov

Now the fairy tales lie hidden: imagery of Norwegian
fairy tales and folk legends in the eponymous poem
of Gunvor Hofmo 18

LINGUISTICS

K.V. Bogdanova

English-language role-playing videogame discourse:
the intertextual aspect 27

E.Yu. Ivanova

The subordinate clause of unaccomplished action in Bulgarian
and its Russian parallels 41

S.M. Kalinin

Review of current approaches to the improvement of accuracy
of neural machine translation 70

P. Jarbilova, I.M. Kobozeva

Formation patterns of adjectival personality trait nominations
in Avar against the background of Russian and English 80

METHOD OF TEACHING

M.I. Volkova

Didactic potential of actors funny stories and anecdotes
in the teaching of Russian as a foreign language for future
actors and directors 103

М.И. Крупенина

Московский государственный лингвистический университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
125993 г. Москва, Российская Федерация

Амбивалентный образ женщины-спектакля в романе Дины Мьюлок «Оливия Ротсей»

В статье рассматривается амбивалентный образ женщины викторианской эпохи на материале романа Д. Мьюлок «Оливия Ротсей». Автор выделяет и анализирует акцент викторианских авторов на визуальном образе женщины, в основе которого лежит бинарная оппозиция инфантильность – зрелость.

Ключевые слова: викторианская эпоха, инфантильность, образ женщины в викторианской литературе, «Оливия Ротсей».

M.I. Krupenina

Moscow State Linguistic University,
Moscow 119034, Russian Federation

Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow 125993, Russian Federation

The ambivalent image of the woman-performance in the D. Mulock's novel «Olive»

The article considers the ambivalent image of a woman in the Victorian era on the material of the D. Mulock's novel «Olive». The author singles out and analyzes the accent of Victorian authors on the visual image of a woman, which is based on the binary opposition of infantility-maturity.

Key words: the Victorian era, infantilism, the image of a woman, Olivia Rothersey.

Образ женщины, развитой не по годам или, наоборот, инфантильной, всегда становится центром внимания в повествовании викторианской эпохи. Например, Дэвид Копперфильд в одноименном романе Ч. Диккенса, вспоминая свою первую любовь Дору, описывает ее как актрису, или женщину-спектакль, которая «поет очаровательные баллады на французском... и аккомпанирует себе на инструменте, похожем на гитару»¹ (*sing[ing] enchanted ballads in the French language... accompanying herself on a glorified instrument resembling a guitar*) [Dickens, 1850, p. 361]. Бетси Тротвуд в начале знакомства с еще одной инфантильной особой, матерью Дэвида, говорит ей: *Сними чепчик, дитя... дай мне на тебя посмотреть* (*take off your cap, child... and let me see you*) [Там же, p. 4], а карлица мисс Маучер кажется другу Дэвида Стирфорсу «одним из семи чудес света» (*one of the seven wonders of the world*) [Там же, p. 301], т.к. при ее детской фигурке она обладает совиной мудростью и необычайно проницательностью. Хотя мисс Маучер наставляет читателей через Дэвида, что «не стоит связывать физические недостатки с умственными, если на то нет причин» (*not to associate bodily defects with mental... except for a solid reason*) [Там же, p. 427], она все же сетует, что люди нормального роста даже не замечают ее, а, соответственно, и ее эмоций, воспринимая ее как «игрушку, детскую лошадку или деревянного солдата» (*a plaything... a toy horse or a wooden soldier*) [Там же, p. 424]. Дэвид, услышав стук в дверь, думает, что это ребенок, а в ней самой видит не больше, чем «большой зонтик, который, кажется, движется сам по себе» (*great umbrella that appeared to be walking about of itself*) [Там же, p. 423–424].

В некоторых произведениях образ такой женщины неминуемо свидетельствует о ее исключительной привлекательности: она представлена как магнит для взора. К примеру, образ Аэши в романе Р. Хаггарда «Она» (1886–1887), которая почти всегда ходит с покрытым тканью лицом, чтобы не возбуждать в мужчинах вожделения и не убивать одним лишь взором удивительных глаз. Главная героиня романа «Секрет Леди Одли» (1862) М.Э. Брэддон, совершившая двубрачие, описана как «дьявольски красивая женщина» (*a beautiful fiend*) [Brad-don, 2012, p. 56]. В романе У. Коллинз «Женщина в Белом» (1859–1860) Уолтер Харттрайт, рисуя Лору Фэрли, представляет ее как «воплощение самой несбыточной мечты» (*the visionary nursling of your own fancy*) [Col-lins, 2013, p. 36], а Хетти Сорел в романе Дж. Элиот «Адам Бид» (1859) является мишенью абсолютно всех взоров на суде по делу об убийстве своего новорожденного ребенка. Так женский образ, безусловно,

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

амбивалентный, указывает на проблему восприятия такой женщины в викторианском обществе.

Рассмотрим наиболее яркие примеры образа женщины-спектакля в романе Д. Мьюлок «Оливия Ротсей» (1850). Главная героиня романа Оливия, рожденная с небольшим искривлением позвоночника – физической деформацией, обладает не по годам развитым умом, в то время как Сибилла, ее мать, «ребенок-невеста» (*baby-bride*) [Mulock, 1850, vol. I, p. 18] и красавица, по своей природе глупа, инфантильна и поверхностна.

Тем не менее, в повествовании Сибилла сразу же изображена и как спектакль, и как ребенок: *хватило бы одного единственного взгляда на Сибиллу Ротсей, чтобы оставить любое сердце равнодушным. Она была создана для того, чтобы ею любовались издали, а потом, дома, мечтали о ней, не задумываясь, была ли она женщиной или божеством. Описать ее весьма сложно, однако можно попытаться. Она была миниатюрной, как маленькая фея. Ее щеки носили мягкий прекрасный оттенок юности; нет, даже самого детства. И помыслить было невозможно, что она может быть матерью* (*It would have done any one's heart good only to look at Sybilla Rothesay. She was a creature to watch from a distance, and then to go away and dream of, scarce thinking whether she were a woman or a spirit. As for describing her, it is almost impossible – but let us try. She was very small in stature and proportions – quite a little fairy. Her cheek had the soft peachy hue of girlhood; nay, of very childhood. You would never have thought her a mother*) [Там же, p. 15].

Внешний вид такой женщины сразу же позиционирует ее как вещь или игрушку для созерцания, нежели как личность, обладающую эмоциями и чувствами: *А была ли душа в этом прекрасном теле? Едва ли когда-нибудь задашься таким вопросом! (But was there a soul in this exquisite frame? You never asked – you never cared!); фея из плоти и крови, Венера Медичи, высеченная из камня (flesh-and-blood fairy, a Venus de Medici transmuted from the stone)* [Там же, p. 17]. В отношениях с мужем она также представлена как покорная кошечка, игрушка для часа утех: *Она узнала своего мужа, которому она должна повиноваться во всем. Пришло время научиться быть послушной женой, всегда готовой по первому зову своего мужа исполнять его бесчисленные прихоти (She recognized her husband, whom she must obey. She had now to learn how to be a duteous wife, always ready at the beck and call of her husband and attentive to his innumerable wants); все искусство Сибиллы состояло в целом арсенале девического кокетства, или детских хитростей, страстной отзывчивости (нежности) и гнева или печального упрека, меняющихся местами друг с другом (Sybilla's arts –*

the only arts she knew were the whole armoury of girlish coquetry or childish wile, passionate tenderness and angry or sullen reproach, alternating each other) [Mulock, 1850, vol. I, p. 59].

Напротив, с самого рождения Оливия «была ужасно подобна старухе» (*Bore such a ridiculous likeness to extreme old age*) [Там же, p. 1], а когда Ангус впервые увидел свою дочь, он не смог поверить своим глазам: по своему сложению она походила на ребенка двух лет отроду, но выражение ее лица было подобно лицу ребенка 10–12 лет: такое задумчивое, такое серьезное... и лицо ее, хоть и маленькое, носило печать преждевременного развития, несмотря на спокойное, серьезное, меланхоличное лицо и своеобразное бросающееся в глаза несоответствие, она была обычной, хорошенькой девочкой... а волосы ее придавали образу и облику ее некоторую прозрачность (*By her stature she might have been two years old, but her face was that of a child of ten or twelve – so like thoughtful, so grave... the same might be said of her features; which, though thin, and wearing a look of premature age, together with that quiet, earnest, melancholy cast peculiar to deformity, were yet regular, almost pretty... hair gave a spectral air to her whole appearance*); она была более подобна женщине, впавшей в детство, нежели ребенку; существам, известным в легендах об эльфах, возникающих в нелюдимых заблоченных местностях или появляющихся у детской колыбели; сверхъестественная, и все же преисполненная невыразимой красоты (*She looked less like a child than a woman dwarfed into childhood; the sort of being renowned in elfin legends, as springing up on a lonely moor or appearing by a cradle side; supernatural, yet fraught with a nameless beauty*) [Там же, p. 57].

Даже поводя четкую параллель между матерью и дочерью, тем не менее, их образы подобны: обе женщины представлены как объекты для созерцания не только читателя, но и персонажей самого повествования. Во-первых, обе героини представляют собой идеализированный образ женщины викторианской эпохи, о чем свидетельствует обращение окружающих с ними, как с домашними любимцами, приравнивая их к статусу домашнего животного, нежели к самостоятельно, независимо мыслящей личности. Например, Оливию на протяжении всего повествования называют «моя милая слабая любимица» (*My sweet wee pet*) [Там же, p. 67]. Заметим, что с английского слово *pet* переводится дословно как «питомец, домашнее животное», что доказывает, что уже в самом повествовании эксплицитно выражена роль женщины в викторианском обществе как вещи, игрушки, домашнего питомца, а также ее главные характеристики: повиновение, зависимость, покорность и др. Будучи взрослой, она все рано сохраняет свой статус домашней

любимицы, послушной и зависимой от мужского авторитета: *Оливия была уже почти женщиной, но ее все равно называли «малышкой». Она сохранила свою миниатюрную фигурку и по-прежнему носила детское платьице, но лицо ее, как всегда, носило печать преждевременной старости* (*Little Olive was growing almost a woman now, but she was called little Olive still. She retained her diminutive stature, together with her girlish dress, but her face wore, as ever, its look of premature age*) [Mulock, 1850, vol. I, p. 69]. Подтверждающим сказанное примером может служить и поведение девочки по отношению к своему отцу: *малышка положила обе руки на его колени, и с вопрошающим выражением глядела то на отца, то на няньку Элспи, стоящую рядом* (*The little girl laid [hands] on his knee, looking inquiringly, first at him and then at Elspie*) [Там же, p. 72]. Подобным образом она ведет себя и с матерью: *Она никогда не чувствовала себя зрелой, а когда, склонившись на колени у ног матери, развлекала ее, она была сущим ребенком* (*She didn't always feel so old, though when kneeling by her mother's side, amusing her, Olive still felt a very child*) [Там же, p. 63].

Обратимся к образу инфантильной Сибиллы, которая ведет себя подобным образом, что и преждевременно развитая Оливия: *Она вспорхнула и припала к ногам сидящего в кресле мужа, с неподдельным интересом внимая ему. Пока он, улыбаясь, ласково гладил ее по голове, так как он был все еще молодым мужем, пока она была милой игрушкой для развлечений в свободное время. Игрушкой! Все ли женщины способны полностью постичь данное понятие – вещью для вожделения – схватить, поиграть и, наигравшись, выбросить как ненужную и презираемую* (*Sybilla jumped up and came to sit down on the hearth of his feet in an attitude of comical attention thereupon he patted her on the head, gently and smilingly, for his was but a young husband still, and she was such a sweet plaything for an idle hour. A plaything! Would that all women considered the full meaning of the term – a thing sighed for, snatched, caressed, wearied of, neglected, scorned*) [Там же, p. 80]. Муж называл ее своей «маленькой женой» (*My little wife*) [Там же, p. 19], т.к. по возвращению из четырехлетнего морского плавания «он нашел Сибиллу в таком же состоянии, в каком и оставил ее – сущим ребенком. Послушной и любящей, каковой она была, он и тогда сумел бы руководить ею, сформировать ее характер, в самом деле, воспитать ее по своему усмотрению» (*He found Sybilla as he had left her – a very child. Ductile and loving as she was, he might even then guided her mind, have formed her character, in fact, have made her anything he liked*) [Там же, p. 123].

Во-вторых, обе женщины представлены исключительно как объекты для наблюдения. Младенчество Оливии находится под постоянным

наблюдением няньки, доктора и родителей. В юности на балу, прячась за шторами, она слышит слова своей лучшей подруги о своей непривлекательности и впервые осознает свой физический недостаток. Ее чувство собственного несовершенства побуждает ее стать художницей. Так, она сама, как и миниатюрная мисс Маучер в романе «Дэвид Копперфильд» превращается в вестника справедливости, может выступать в роли наблюдателя и создателя, вместо того, чтобы быть наблюдаемой. Финальные строки романа представляют читателю картину, в которой муж Оливии отводит взор от жены, в то время как читателю предлагается посмотреть на нее: *Оливия, со своей притягательной очаровательностью и взглядом исподлобья, была истинной женщиной. Однако Гарольд и не взглянул на нее. Он уверенно стоял на земле с гордо поднятой головой и бесстрашно смотрел вперед своими удивительными глазами. Оливия же запустила свои холодные ручки под его шотландский костюм, прижалась головой к его сердцу и счастливо улыбалась* (*Olive, with her clinging sweetness, her upward gaze, was a type of true woman. But Harold did not bent his look upon her....He planted his foot firmly on the ground, lifted his proud head, and looked out fearlessly with his majestic eyes. And I, said Olive, thus. She stole her two little cold hands under his plaid, laid her head upon them, close to his heart, and, smiling, nestled there*) [Mulock, 1850, vol. III, p. 375]. Их изображение в костюмах в финальной сцене романа – своеобразное представление автором романтической условности, исходя из которой женщина всегда должна полагаться на мужской авторитет. Инфантильность и зависимость от мужчины, что характеризует Оливию в зрелости, – награда женщине за преодоленные испытания судьбы.

В образе Сибиллы автор также акцентирует визуальную сторону. С одной стороны, Сибилла становится слепой в сравнительно раннем возрасте, что служит в романе дидактическим приемом, восходящим к трансформации от изначальной холодности к возрождению любви к дочери. Как и Оливия, Сибилла – ключевая фигура изображения в романе, представленная как объект для обозрения. Например, вторая глава заканчивается сценой обморока Сибиллы из-за осознания дефекта дочери, когда она «смотрит с недоверием на врача, няньку, и, наконец, на спящего ребенка» (*gaz[ing] incredulously on [the doctor], on the nurse, and lastly on the sleeping child*) [Там же, vol. I, p. 31]. Подобным образом по возвращению ее муж после нескольких лет отсутствия в заграничном плавании в разгар бала, устроенного Сибиллой, «был странным образом сбит с толку сценой, промелькнувшей перед его глазами» (*he was strangely bewildered by the scene which had flashed for a minute before his eyes*) [Там же, p. 52], и «смотрел на нее, дрожащую, со вспыхнувшим

румянцем на щеках, с расстояния вытянутой руки. Она внимала взгляду мужа, покоящемуся на ее блестящем платье. Он пристально рассматривал ее с головы до ног. Она ощутила, как выражение его лица сменилось от радости к беспокойному удивлению, от любви к суровости, пока, наконец, не обрело того странного, холодного вида, какого она прежде никогда в нем не замечала» ([hold] her out at arm's length to look at her.... Trembling – blushing scarlet, over face and neck – she perceived her husband's eyes rest on her glittering dress. He regarded her fixedly, from head to foot. She felt his expression change from joy to uneasy wonder, from love to sternness, and then he wore a strange, cold look, such as one as she had never beheld in him before) [Mulock, 1850, vol. I, p. 52]. Акцентируя внимание на визуальном восприятии Сибиллы, автор впервые осуждает ее словами горничной: *Aх! Muccic Potсей, вы же не появитесь в людях в таком платье! (Eh! Mrs Rothsay, ye're no goin' to show yourself in sic a dress)* [Там же, р. 50], понимая, какие взгляды привлечет такое открытое платье. И хотя читатель не имеет возможности засвидетельствовать простоту платья, нам известно, что оно короткое и легкое без рукавов, напоминающее детские платья, открывающие взгляду миниатюрные ножки в белых сандалиях. Наивное желание Сибиллы, как и Доры Копперфильд, оставаться юной под опекой других, позволяет ей так себя вести. Застой, которого достигает ее дочь после терпеливо пережитого испытания, характеризует Сибиллу с самого начала повествования.

Сибилла представлена как женщина-спектакль и в других эпизодах романа. Овдовев, она позирует для своей дочери-художницы. Ее слепота обращает ее в вид искусства, «картину, которая жила в памяти Оливии с тех пор» (*picture which lived on [in] Olive's memory evermore*) [Mulock, 1850, vol. II, p. 81]. С этим нельзя не согласиться, обратив внимание на замечание наблюдателя: *Ее дочь смотрела на нее, и глаза ее были полны невыразимой тоски, которая придавала ей на мгновение вид вечной любви (her daughter looked at her with eyes of passionate yearning that threw into one minute's gaze the love of a whole lifetime)* [Там же]. Отметим, что функция быть наблюдаемой не является ее единственной целью в романе. Само ее имя, несомненно, означает «провидица». В начале романа в сновидении она видит ребенка-ангела, посланного провести ее через полный опасностей символический путь жизни. История жизни Сибиллы и ее медленное исправление от плохого к лучшему в заботливых руках Оливии свидетельствуют об истинности данного провидения.

Дж. Кинкейд отмечает, что «наблюдение – это не только лишь односторонняя позиция, а процесс движения, в котором субъект перетекает в наблюдаемый объект и высвобождает свое воображение. При

обычном обозрении такая деятельность делает необходимым постоянное подавление той позиции, в которой мы находились, и возвышение той, в которой мы пребываем на данный момент» («seeing is not just a single position but a process of movement in which the subject...possesses the object by relinquishing visual mastery, by momentarily becoming the object. In normal seeing this activity... necessitates an ongoing repression of the position we were in a moment before and an elevation of the substituted position we are in now») [Kincaid, 1995, p. 121]. Так происходит колебание между стабильностью и трансформацией восприятия.

Л. Мулви в своем эссе утверждает, что женщина как объект мужского взора всегда пассивна и зритель-мужчина занимает позицию власти, но также отмечает, что власть может двигаться от одного к другому, от субъекта к объекту, от наблюдателя к наблюдаемому, потенциально подрывая общественные ожидания в отношении гендера и, таким образом, делая невозможным достичь стабильной сексуальной идентичности [Mulvey, 1981].

В романе Д. Мьюлок читателю предложено испытать перемену ролей от наблюдателя к наблюдаемому субъекту и тем самым оценить, различить женские стратегии в образах Сибиллы и Оливии. Наблюдение за ними функционирует как метафора видения автором собственного искусства, которое, по задумке Д. Мьюлок, было сугубо дидактическим. Эта дидактика в некоторой степени обретает форму исследования затаенных чувств женщин. Наблюдая за такими женщинами, нас призывают различить и оценить отношение викторианской женской половины общества к искусству и художественному представлению.

Библиографический список / References

- Braddon, 2012 – Braddon M.E. *Lady Audley's Secret*. NY, 2012.
Collins, 2013 – Collins W. *The Woman in White*. NY, 2013.
Dickens, 1850 – Dickens Ch. *The Personal History of David Copperfield*. London, 1850.
Kincaid, 1995 – Kincaid J. *Annoying the Victorians*. NY, 1995.
Mulock, 1850 – Mulock [Craik] D. *Olive. A novel*. London, 1850.
Mulvey, 1981 – Mulvey L. Afterthoughts on 'Visual Pleasure and Narrative Cinema' inspired by 'Duel in the Sun'. *Framework*. 1981. Summer. Pp. 12–15.

Статья поступила в редакцию 12.04.2017

The article was received on 12.04.2017

Крупенина Мария Игоревна – аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский государственный лингвистический университет; преподаватель кафедры И-01 «Теория и практика английского языка» факультета иностранных языков, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Krupenina Maria I. – postgraduate student of Department of Russian and Foreign Literature, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; University Lecturer of Department of English Theory and Practice of Faculty of Foreign Languages, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

E-mail: j.s.y.zero4@mail.ru

А.М. Панов

Институт социально-экономического развития территорий РАН,
160014 г. Вологда, Российская Федерация

Нынче сказки сокрыты:
образы норвежских сказок
и народных легенд
в одноименном стихотворении
Гунвор Хофму¹

В статье анализируются образы сказок и народных преданий Норвегии в норвежской поэзии модернизма на примере стихотворения «Нынче сказки сокрыты» поэта Гунвор Хофму. Вступительная часть содержит краткие биографические сведения о писательнице. В аналитической части статьи дается обзор сказочных и мифологических образов и сюжетов, используемых в произведении, и анализируется их роль. Проводятся ассоциации с мотивами русской народной традиции. Анализируется философское содержание стихотворения и применяемые в нем литературные средства. Исследование может представлять интерес для исследователей норвежской литературы, русского поэтического перевода как самостоятельного литературного жанра и переводчиков.

Ключевые слова: поэзия, Гунвор Хофму, модернизм, художественный образ, норвежский фольклор, русские сказки.

¹ Автор выражает благодарность Стейнару Гилу – норвежскому филологу, переводчику, дипломату – за консультацию, оказанную при подготовке исследования.

A.M. Panov

Institute of Socio-Economic Development of Territories,
Russian Academy of Sciences,
Vologda 160014, Russian Federation

Now the fairy tales lie hidden: imagery of Norwegian fairy tales and folk legends in the eponymous poem of Gunvor Hofmo¹

The article analyzes imagery of Norwegian fairy tales and folk legends used in Norwegian modernist poetry in the context of the poem "Now the Fairy Tales Are Hidden", written by Gunvor Hofmo. The introductory part includes a brief biographical information about the author. The analytical part reviews imagery and plots employed in the poem, analyzes their role. A certain attention is paid to the links between the Norwegian and Russian folklore. The author analyzes the philosophical message of the poem and literary devices employed in it. The article can be of interest for researchers of Norwegian literature and Russian poetic translation as a literary genre and translators.

Key words: poetry, Hofmo, modernism, word imagery, Norwegian folklore, Russian fairy-tales.

Гунвор Хофму (1921–1995) – норвежская писательница и поэт, признанный у себя на родине крупнейшим представителем модернизма наряду с такими мастерами, как Улав Хауге, Пол-Хелге Хауген и Тарьей Весос. Широкое внимание мировой общественности привлекла драматическая история ее дружбы с Рут Майер – беженкой из Австрии, погибшей в Аушвице. Смерть Майер оказала неизгладимое влияние на творчество Хофму. Подавленная этим событием, она провела 16 лет своей жизни (1955–1971 гг.) в психиатрической лечебнице – в этот период, названный критиками «периодом безмолвия», она не пишет стихов и не издает книг [Vold, 2000]. По выражению норвежского поэта и литературоведа Гуннара Вэрнесса, для норвежцев Хофму олицетворяет «незаживающие раны войны» [Ульвен, 2010, с. 14]. Критик Ян Эрик Волл называл ее «певицей тьмы» (норв. *Mørkets sangerske*). Русскоязычные

¹ The author thanks Steinar Gil – Norwegian philologist, translator and diplomat for consultation on the study.

читатели могли ознакомиться со стихами Г. Хофму, опубликованными в сборнике «Из современной норвежской поэзии», опубликованном в 1987 г. [Горлина и др., 1987].

В настоящей статье я попытаюсь проанализировать художественные образы в стихотворении Гунвор Хофму «Нынче сказки сокрыты» (норв. «Nå ligger eventyrene») и раскрыть параллели между современной норвежской литературой и народным творчеством того периода, когда современный литературный норвежский язык как таковой не существовал. Дополнительной (и прикладной) целью статьи является сравнительный анализ некоторых сюжетов народного творчества Норвегии (некоторые из которых неизвестны широкому кругу читателей) и русского фольклора. Исследование направлено на развитие русской переводной литературы и поэтического перевода как самостоятельного жанра. Работа может представлять интерес как для исследователей русской переводной литературы и переводчиков-практиков, так и для читателей, интересующихся скандинавской литературой и фольклором.

Проведение параллелей с произведениями прошлого: скандинавскими сказками («Девочка со спичками»), легендами античности («Филомела», «Персефона»), стихами («Как камень у Улафа Булля»), библейскими сюжетами (множество стихов из самых разных сборников, в особенности из книги «Безымянно всё в ночи»), – вообще характерно для Гунвор Хофму, которая в своем поэтическом повествовании нередко цитирует, использует их образы, а то и «перепевает» на современный лад. Пересказывая сюжеты, нередко не только осмысляя, но и домысливая их, Гунвор Хофму демонстрирует широчайший литературный кругозор и может быть названа своеобразным «мостом» между поэзией модернизма и классической (а иногда и доклассической) литературой.

Можно сказать, что излюбленным приемом Хофму является аллюзия, которая используется весьма широко и нередко преобладает над метафорическими и аллегорическими образами, создаваемыми поэтом. Последние подчас напоминают литературные клише и типичны, скорее, для эпохи романтизма – это образы ночи, звезд, дождя, леса и т.п. Однако вследствие более современной формы, иррациональной художественной философии и общего контекста норвежской литературы, стихи Гунвор Хофму не создают впечатления заштампованности, – они, скорее, обладают привкусом старомодности, возможно, не в последнюю очередь поэтому они пришлись по душе многим читателям, как в Норвегии, так и за ее пределами.

Стихотворение «Нынче сказки сокрыты» впервые увидело свет в поэтическом сборнике автора «Звезды и детство», опубликованном

в 1986 г. [Hofmo, 1986]. Тема детства является в книге основной: поэт описывает свои воспоминания о ярких переживаниях, оставшихся в далеком прошлом (на момент издания книги Хофму исполнилось 65 лет).

Приводим текст стихотворения на норвежском и русском (подстрочный перевод) языках:

*Nå ligger eventyrene
gjemt i folkets vinternatt:
fusser av underjordisk
liv
styrter nedover fantasiens
nattberg
Trollene sprekker i
sjelens solrenning*

*Draugen smiler med
sitt brenningssmil
og løsner hendene
til mannen på hvelvet
og skarver skriker
sin tusselåt
sitt heksemål*

*Ja, vinternatten
er evig befolket
med tusser og skrømt
av Fanden som blir overlistet
og av Askeladdens vandring
mot Slottet.*

Нынче сказки покоятся
скрытые в зимней ночи народа:
водопады подземной
жизни
низвергаются с ночного утеса
фантазий
Тролли трескаются в
потоке солнечных лучей

Драугр улыбается
своей жгучей улыбкой
и отпускает руки
рыбак со дна лодки
и бакланы кричат
свою гномскую песню
свою ведьминскую речь

Да, зимняя ночь
навсегда населена
гномами и духами
Чертом которого обманывают
и Аскеладеном идущим
к Дворцу.

Рассматриваемое стихотворение переводится на русский язык впервые, поэтический перевод выполнен автором:

*Нынче сказки сокрыты
народ поглотила зимняя ночь:
жизнь подземных существ
водопадом
струится с ночного утеса
фантазий
Каменеют и рушатся тролли
завидев восход*

*Жгучей ухмылкой
скалится драугр
и бросается в море
рыбак с перевернутой лодки
и бакланы кричат
будто гномы поют
будто ведьмы бормочут*

*Да, в зимней ночи
поселились навек
гномы и духи –
обманутый Черт
и Аскеладден шагающий
к Замку.*

На мой взгляд, это стихотворение, композиционно занимающее центральное место в сборнике, представляет собой переход от ощущений отдельного индивидуума к опыту целого поколения. В этом отношении Хофму, которая известна, прежде всего, как поэт-лирик, чей основной жанр – элегия, выступает в необычной для себя роли социального философа. Произведение повествует о том, что для современного человека древние легенды и сказки как форма познания мира отошли на второй план, это является закономерным процессом смены картины мира с мифологической на научную. Такой переход, по мнению автора, мыслящего иррационально, явился одной из предпосылок духовного упадка и психологического разложения общества, к теме которого поэт обращается на протяжении всего своего творческого пути. Для метафорического описания этой деградации используется образ зимней ночи, поглотившей народ. В заключительной строфе автор отмечает, что возрождение сказочных архетипов и мифологического мышления в общественном сознании, скорее всего, невозможно: они «навек поселились в зимней ночи». При этом, употребляя слова *сокрыты*, *поселились*, автор (чаще пишущий о полном распаде и умирании) высказывает некоторый, нетипичный для себя оптимизм: по мнению Хофму, волшебная старина, описанная в древних легендах и преданиях, не погибла в сознании людей, а лишь затаилась в нем. В этом стихотворении поэт обращается к нескольким сюжетам норвежских сказок и народных преданий, некоторые из которых малоизвестны и среди норвежских читателей.

Стихотворение состоит из 21 строки. При этом описание сказочных сюжетов содержится в 14 из них. Вследствие этой особенности в качестве основной формы изложения материала в работе используются построчные комментарии.

Строка 3: *жизнь подземных существ*. Согласно норвежским легендам, под землей и в скалах обитают гномы и тролли – существа, часто враждебные по отношению к людям. Тема «подземной жизни» широко используется за пределами Норвегии и вообще Европы. В качестве примера можно назвать, например, русскую сказку «Подземные царства», главный герой которой в поисках своей невесты спускается под землю и поочередно проходит серебряное, медное, жемчужное и золотое царство, встречая на своем пути различные испытания.

Строки 7–8: *каменеют и рушатся тролли, / завидев восход*. Автор упоминает сюжет, распространенный в норвежских сказках. Согласно легендам, распространенным далеко за пределами Норвегии, тролли – огромные человекоподобные существа – обращаются в камень и гибнут, когда их касаются лучи солнца. В русском фольклоре подобные мотивы не имеют широкого распространения. В то же время в нем встречается противоположный сюжет, когда обращенными в камень оказываются протагонисты. В качестве примера можно привести русскую народную сказку «Булат-Молодец» (по другой версии – «Кощей Бессмертный»), в которой один из главных персонажей, заколдованный Кошмем Бессмертным, постепенно обращается в камень.

Строки 10–12: *скалится драугр / и опускаются руки рыбака / на дне перевернутой лодки*. Здесь Гунвор Хофму обращается к северонорвежской легенде «Элиас и Драугр» (норв. «Elias og Draugen», в переводе И. Кастальской «Элиас и Драг»), пересказанной норвежским писателем, поэтом и драматургом Юнасом Ли (1833–1908), впервые опубликованной в 1902 г. Легенда повествует о мести драугра (мертвеца) рыбаку Элиасу (предположительно жившему на Лофотенских островах), за то, что тот пытался убить его, когда тот находился в образе большого тюленя. Затем драугр явился к Элиасу в виде высокого человека с гарпуном в спине и предрек рыбаку несчастье и гибель. История оканчивается трагически: Элиас, попавший в шторм, как и предсказывал драугр, видит, как по очереди гибнут его дети, и наконец, бросается с перевернутой лодки в море, чтобы сохранить жизнь последнему сыну [Lie, 1954, p. 39; Даль, 2003].

Строка 13: *и бакланы кричат*. В этих строках присутствует ассоциация с легендой о бакланах с острова Утрёст (норв. «Skarvane frå Utrøst»). Легенда, записанная П. Асбьёрнсенем, известным собирателем сказок и народных преданий Норвегии, гласит, что погибшие в открытом море, чьи тела не были найдены, навек обращаются в бакланов, обитающих на небольшом острове Утрёст, местонахождение которого неизвестно [Asbjørnsen, 1974]. История об Утрёсте отдаленно напоминает легендарный русский город Китеж, однако их роднит лишь неопределенность расположения, нахождение на острове, и такая параллель требует углубленного филологического анализа. Упоминание этого мифологического образа органично сочетается с историей об Элиасе и драугре, описанном выше, сюжет которой также связан со смертью на море.

Строка 14: *будто гномы поют*. В оригинальном тексте стихотворения встречается норвежское слово *tusselåt* – «песнь гномов». Песню с таким названием написал норвежский поэт, писатель и исполнитель народных песен Якоб Санде (1906–1967), довольно известный у себя

на родине [Sande, 1998, p. 9]. Следует отметить, что норвежское понятие *tusse* не является абсолютным синонимом русского *гном*: старонорвежский корень *þurs* или *þuss* – историческая форма слова «тролль». Слово, таким образом, ассоциируется с мистическими силами зла. В русском же языке понятие «гном», происходящее от латинского слова *gēnomos* ‘подземный житель’, со временем значительно эволюционировало, и в настоящее время имеет более широкий спектр значений: от небольших антропоморфных существ, настроенных к людям в целом благожелательно или нейтрально, до злокозненных подземных созданий (см., например, «Вий» Н.В. Гоголя). Для русскоязычного читателя именно гоголевское значение слова является наиболее близким к контексту стихотворения.

Строка 19: *обманутый Черт*. В устной традиции Норвегии, как и в ряде других стран, есть несколько сказочных сюжетов, в которых простые люди, столкнувшись с Чертом, оказываются в состоянии перехитрить его при помощи ловкости и смекалки (см., например, хорватскую сказку «Как солдат Черта обрил», русскую сказку «Солдат и Черт»). К какой именно сказке обращается автор в этих строках – сказать сложно. В качестве примера можно привести известную норвежскую сказку «Мальчик и Черт», пересказанную Петером Асбьёрнсенем и Йоргеном Му, в которой мальчик хитростью заманивает Черта в грецкий орех, относит кузнецу и тот разбивает орех молотом [Asbjørnsen, Moe, 1996].

Строки 20–21: *...Аскеладден, шагающий / к Замку*. Аскеладден (норв. *Askeladden*, (*Espen*) *Askeladd* – «пепельный парень»), человек, раздувающий угли), также (Эспен) Аскеладд – главный герой многих норвежских сказок. Аскеладден – простой человек, младший мужчина в семье, принимаемый окружающими за простачка, которому, тем не менее, часто удается выполнить то, что на остальные оказались неспособны. В стихотворении упоминается сцена из сказки «Пер, Пол и Эспен Аскеладд» (норв. *Per, Pål og Espen Askeladd*), в которой Аскеладден срубаёт огромный дуб, росший у королевского замка [Там же]. В образе Аскеладдена отчетливо просматривается архетип, встречающийся в сказках многих народов мира, в том числе в русских народных сказках, – при известных этнокультурных различиях Эспен Аскеладд ассоциируется с такими персонажами, как Иван-дурак, Емеля и т.д.

Отдельного внимания заслуживает композиция стихотворения. Первая строфа констатирует состояние народного сознания в условиях перехода к рациональному, научному мышлению. Для поэта эти строки вполне характерны: образы зимней ночи и водопада (естественные для автора из Норвегии), пессимистический настрой – типичные атрибуты

творчества Хофму. Здесь же мы встречаем первое упоминание мифических образов – троллей, которые разрушаются с восходом солнца. Тролли, таким образом, символизируют деградацию и разрушение мифологического мышления народа.

Вся вторая строфа содержит упоминания трагических сюжетов: борьба людей с силами зла, с непреодолимой стихией оканчивается для людей печально. Отметим, что глубокий трагизм вообще характерен для стихов Гунвор Хофму. В ранних сборниках – «Я хочу домой к людям» и «Из иной реальности» – это проявляется особенно ярко. Таким образом, пессимизм, выраженный в начале стихотворения, получает развитие и переходит в глубокий драматизм.

При этом в третьей строфе настрой повествования изменяется, что может быть не замечено российским читателем, однако очевидно для норвежца: в ней упоминаются известные сказки, оканчивающиеся торжеством протагонистов – людей. Эта композиционная особенность стихотворения также указывает на довольно редкий для Гунвор Хофму оптимизм (как обычно, довольно слабый и выражаемый имплицитно), о котором говорилось выше. Последние строки описывают незавершенный сюжет сказки, хорошо известной читателям из Норвегии – сказки с хорошим финалом. Ощущение оптимизма создается за счет подсознательного ожидания счастливого финала, о котором автор не говорит, но который является общеизвестным и потому подразумевается.

Мастерски сплетая в своем повествовании собственные образы с образами и сюжетами легенд, песен и преданий, изначально между собой не связанных, Гунвор Хофму буквально в двух десятках беглых строк обнажает этнокультурный пласт североευропейской устной традиции, создает яркий набросок грандиозной картины народного творчества Норвегии. Однако стихотворение представляет интерес не только как эскиз североευропейского фольклора, оно рельефно иллюстрирует взаимосвязь между различными направлениями в литературе: модернизмом и народным творчеством. Взаимосвязь эта характерна для многих норвежских писателей (в качестве примера можно привести Тарьея Весоса (1897–1970), чье творчество уходит своими корнями в устную традицию центральной Норвегии). При этом Гунвор Хофму как поэт, относящийся к модернистскому течению, не стремится разрушить каноны предшествующих эпох (в данном случае – фольклора и норвежского национального романтизма), а наоборот – словно «оплакивает» их. В рассматриваемом стихотворении картина общего психологического и нравственного упадка, критика современной цивилизации соседствует с бережным отношением автора к культурному наследию своего народа.

Библиографический список / References

Горлина, 1987 – Из современной норвежской поэзии: Сб.: Пер. с норв. / Сост. и предисл. Горлиной Л.В. М., 1987. [Iz sovremennoi norvezhskoi poezii [From Modern Norwegian Poetry]. Compilation, translation from Norwegian. L. Gorlina (ed.). Moscow, 1987].

Даль, 2003 – Даль Р. Рассказы о привидениях. М., 2003. [Dahl R. Rasskazy o privedeniyakh [Ghost Stories]. Moscow, 2003].

Ульвен, 2010 – Тур Ульвен. Избранное: Стихи / Пер. с норв. И. Трепа и Д. Воробьева при участии М. Нюдаля и Г. Вэрнесса. Чебоксары, 2010. [Tor Ulven. Izbrannoe: Stikhi [Selected poems]. Translation from the Norwegian I. Trer and D. Vorob'ev with the participation of M. Nydahl and G. Wærness. Cheboksary, 2010.]

Asbjørnsen, 1974 – Asbjørnsen P.Chr. Skarvene fra Utrøst. Oslo, 1974.

Asbjørnsen, Moe, 1996 – Asbjørnsen P.Chr., Moe J. Norske folkeeventyr. Oslo, 1996.

Hofmo, 1998 – Hofmo G. Stjernene og barndommen. Oslo, 1986.

Lie, 1954 – Lie J. Den Fremsynte. Oslo, 1954.

Sande, 1998 – Sande J. Dikt i samling. Oslo, 1998.

Vold, 2000 – Vold J.E. Mørkets sangerske. En bok om Gunvor Hofmo. Oslo, 2000.

Статья поступила в редакцию 28.02.2017

The article was received on 28.02.2017

Панов Александр Михайлович – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Panov Aleksandr M. – Junior Researcher of Department of Research on the Level and Lifestyle of the Population, Institute of Socio-Economic Development of Territories, RAS, Vologda, Russian Federation

E-mail: panov_isedt@mail.ru

К.В. Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Англоязычный дискурс ролевых видеоигр: интертекстуальный аспект

Статья посвящена актуальной проблематике интертекстуальности, которая рассматривается на примере видеоигр – феномена современной массовой культуры, на данный момент мало изученного с точки зрения лингвистики. Практический материал, отобранный из пяти ролевых видеоигр жанра фэнтези и трех видеоигр жанра научная фантастика, исследуется с точки зрения наличия интертекстуальных включений из фразеологического фонда английского языка, а также аллюзий на прецедентные тексты. Изучение и классификация примеров позволяют сделать вывод о потенциале, которым обладают видеоигры с точки зрения лингвистических исследований.

Ключевые слова: видеоигра, дискурс видеоигры, интертекстуальность, интертекст, аллюзия, фразеологическая единица, прецедентный текст, фэнтези, научная фантастика.

K.V. Bogdanova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg 199034, Russian Federation

English-language role-playing videogame discourse: the intertextual aspect

The article concerns the relevant issue of intertextuality, focusing on examples from videogames, as, despite being a phenomenon of modern mass culture, videogames have not yet been widely subjected to linguistic study. We examine the roles played by intertextual insertions from English phraseology and allusions

to precedent texts – i.e. texts that are easily recognizable by speakers of the language – in the practical material of five fantasy role-playing videogames and three science fiction role-playing videogames. By studying and classifying the examples collected, we can reveal the linguistic study potential of videogames.

Key words: videogame, discourse, intertextuality, intertext, allusion, phraseological unit, precedent text, fantasy, science fiction.

1. Видеоигры как объект лингвистических исследований

Видеоигры можно определить как особое программное обеспечение развлекательного характера, предназначенное для ряда электронных платформ (к примеру, игровых приставок или персонального компьютера), которое содержит элементы графики и текста и предполагает «наличие одного или более игроков в физическом или сетевом окружении» [Харлашкин, 2016, с. 93]. Отношение к видеоиграм в научном сообществе, возможно, остается противоречивым, однако нельзя отрицать, что данный вид программного обеспечения стал неотъемлемой частью современной массовой культуры, открывая человеку новые возможности для получения знаний (в случае с обучающими играми), коммуникации с другими игроками и даже получения эстетического удовольствия от создаваемых разработчиками трехмерных ландшафтов и целых фантастических миров, в которые погружается игрок. В этой связи можно заявить, что видеоигры подлежат изучению наравне с другими аспектами современной культуры, такими как кинематограф и литература.

Исходной точкой научного исследования видеоигр как феномена современной массовой культуры можно назвать 2001 г., когда в Копенгагене прошла первая научная конференция, посвященная видеоиграм, и вышел в свет первый номер международного журнала «Game Studies» («Философия видеоигр»), издающегося под эгидой Шведского совета по научным исследованиям (Vetenskapsrådet) и Копенгагенского университета информационных технологий. Предназначение журнала – рассматривать видеоигры не только с точки зрения их технологического и программного аспекта, но и с точки зрения эстетики и культурологии [Aarseth, 2001]. Начиная с этого момента видеоигры стали вызывать живой интерес в таких областях научного знания, как психология, информатика, теория образования и пр. Однако в рамках лингвистики феномен видеоигр на данный момент изучен недостаточно широко.

Одним из первых исследователей, уделивших внимание видеоиграм с лингвистической точки зрения, можно назвать британского

автора Астрид Энслин. А. Энслин преподает в Бангорском университете в Уэльсе и выпустила несколько монографий, посвященных лингвистическому аспекту видеоигр («The Language of Gaming» ‘Язык видеоигр’, «Literary Gaming» ‘Игра как чтение’). В своей работе «The Language of Gaming» исследователь предлагает разбить дискурс видеоигр на несколько уровней: языковые средства, используемые самими игроками для обсуждения различных аспектов игрового процесса; языковые средства, используемые профессиональными разработчиками видеоигр в процессе работы; языковые средства, используемые СМИ, активистами, политиками и пр. в контексте обсуждения видеоигр; языковые средства, используемые внутри самой игры, включая как пользовательский интерфейс, так и элементы повествования (к примеру, реплики персонажей); и, наконец, языковые средства, используемые в разнообразных сопроводительных текстах (руководствах пользователя и пр.) [Ensslin, 2012, p. 6].

В данном случае нас будут интересовать элементы внутриигрового повествования, которые будут рассматриваться с точки зрения интертекстуальности – способности текста к формированию смысла «посредством ссылки на другие тексты» [Лапшина, 2011, с. 295]. Причем текст здесь может пониматься как в узком, чисто лингвистическом смысле, так и в широком смысле, как любая семиотическая система, которая хранит в себе «многообразные коды» [Лютман, 1992, с. 132]. Как следствие, интертекст может включать в себя не только конкретные речевые произведения, но и литературу и культуру в целом, а также историю, общество и пр.

2. Способы функционирования интертекстуальных включений

Исследование проблемы интертекстуальности, берущее начало от работ Ю. Кристевой, которая и ввела в обиход данный термин в 1967 г. [Кристева, 2000], представляет собой актуальный вопрос языкознания, и было бы весьма интересно осуществить поиск интертекстуальных включений внутри дискурса видеоигр.

Прежде чем перейти к обсуждению собранного практического материала, остановимся на основных функциях интертекста. Во-первых, отсылки к другим текстам выполняют апеллятивную и фатическую (контактоустанавливающую) функции: иными словами, автор текста стремится воздействовать на определенного адресата, способного правильно опознать источник той или иной аллюзии. В свою очередь, референтивная функция интертекста подразумевает под собой передачу информации о понятийной сфере, из которой были взяты интертекстуальные

включения, а метатекстовая функция позволяет фиксировать связи между текстами. И наконец, благодаря реализации экспрессивной функции интертекстуальные включения способны создавать дополнительные оттенки смысла, углубляя и обогащая текст [Лапшина, 2011, с. 296]. Здесь следует отметить, что создание дополнительных смысловых оттенков подразумевает под собой наличие в тексте, содержащем интертекстуальные включения, определенных «деформаций» (структурных или смысловых преобразований), служащих маркером, который сообщает читателю о том, что данный фрагмент представляет собой «точку соположения» разных текстов [Васильева, 2011, с. 48].

Не менее важным будет подчеркнуть, что успешное выполнение интертекстуальными включениями своих основных функций становится возможным только тогда, когда все участники коммуникации обладают общими фоновыми знаниями, которые помогают им определить, к каким текстам отсылают те или иные аллюзии. Чтобы обеспечить успешное распознавание данных включений, авторы, как правило, прибегают к отсылке к прецедентным текстам, широко доступным носителям того или иного языка и культуры (классическим литературным произведениям, популярным песням, сказкам и пр.) [Караулов, 2010, с. 54]. В качестве доступного источника интертекстуальных включений также может выступать и фразеологический фонд языка, который несет в себе «культурно значимые смыслы» [Телия, 2004, с. 20].

Далее мы рассмотрим, каким образом интертекст функционирует в рамках дискурса видеоигр. В качестве источников примеров были использованы популярные линейки ролевых видеоигр, разработанных американскими и канадскими компаниями: две видеоигры из серии «The Elder Scrolls» ‘Древние свитки’ и три видеоигры из серии «Dragon Age» ‘Век дракона’ (жанр – фэнтези), а также три видеоигры из серии «Fallout» ‘Фоллаут’, букв. ‘Радиоактивные осадки’ (жанр – научная фантастика, постапокалиптика). Выбор данных игр обусловлен тем, что они отличаются сложной сюжетной линией и детально проработанным внутриигровым миром, который игрок может исследовать, выполняя различные задания. Как следствие, игровое повествование выстраивается из множества разнообразных текстовых элементов, представляющих собой богатый материал для изучения. Источниками собранных примеров послужил ряд онлайн-ресурсов, на которых поклонники указанных игр делятся подробностями прохождения сюжета, а также создают базы данных разнообразных внутриигровых текстов [The Elder Scrolls Wiki; Nukapedia; The Imperial Library; Dragon Age Wiki].

3. Интертекстуальные включения в дискурсе видеоигр: особенности и источники

3.1. Внутриигровые виртуальные книги как разновидность интертекстуальных включений

Наиболее очевидной формой интертекста, которую можно встретить в видеоиграх вообще и в вышеупомянутых видеоиграх в частности, является интертекст в понимании И.В. Арнольд. Рассматривая проблему интертекстуальности, автор включает в свое исследование в том числе и тексты, создаваемые от лица какого-либо персонажа (например, роман о Понтии Пилате, который пишет Мастер в произведении М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). И.В. Арнольд предлагает считать подобные включения элементами интертекста на основании такого отличительного признака, как смена субъекта речи [Арнольд, 1999, с. 352–361]. Если говорить о видеоиграх, то зачастую по ходу прохождения сюжета игроку приходится сталкиваться с книгами, дневниковыми записями и прочими текстами, в качестве «авторов» которых выступают определенные персонажи. Знакомство с данными текстами может быть как обязательным (например, в графических приключенческих играх, основная сущность которых заключается в решении логических задач, внимательное прочтение того или иного внутриигрового текста нередко дает подсказку для сложной головоломки), так и необязательным. Во втором случае внутриигровые тексты служат для придания большей аутентичности виртуальному миру, по которому перемещается игрок.

При этом особенно интересно будет отметить, что в рассматриваемых нами ролевых играх жанров фэнтези и научная фантастика, где игроку приходится иметь дело с целыми вымышленными сообществами и цивилизациями, можно встретить тексты лингвистического, этнографического, исторического и культурологического характера, дающими игроку возможность взглянуть на игровой мир изнутри. К примеру, осматривая книжные полки в домах персонажей игры «The Elder Scrolls: Skyrim» ‘Древние свитки: Скайрим’, игрок может обнаружить трехтомный трактат о гномах, якобы написанный эльфийским историком, в то время как в видеоиграх серии «Dragon Age» игроку встречается ученый монах *Brother Genitivi* ‘Брат Дженитиви’, выступающий автором целого ряда монографий об истории и мифологии вселенной игры, большинство из которых доступны игроку для чтения либо в полном объеме, либо в виде отдельных отрывков.

Моделями для построения данных текстов, безусловно, выступают аналогичные труды, с которыми можно ознакомиться в реально

существующем мире: об этом можно судить, в частности, по тому, что вышеупомянутые вымышленные научные работы обладают характерными чертами соответствующего функционального стиля. Иными словами, как мы можем наблюдать на примере уже упоминавшегося выше трактата о гномах (*Dwarves* ‘Гномы’), внутриигровым текстам академической направленности свойственны следующие особенности: использование литературно-книжной лексики (*plethora of samples* ‘великое множество образцов’; *discussion pertaining to dwarven machinery* ‘дискуссии, касающиеся гномьих механизмов’); безличные конструкции (*it would be erroneous to conclude* ‘было бы ошибочным заключить’); обеспечение связности текста посредством системы союзов (*thus* ‘тем самым’, *consequently* ‘как следствие’), использование местоимения *we* ‘мы’ (*we looked into the properties of dwarven architecture* ‘мы рассмотрели особенности архитектуры гномов’) и пр. Таким образом, мы видим, что интертекст реализует свою метатекстовую функцию.

3.2. Интертекстуальные включения в названиях игровых миссий (квестов)

Кроме внутриигровых текстов, в повествовательной канве видео-игр нередко встречаются и интертекстуальные включения иного рода – отсылки к прецедентным текстам и феноменам из реально существующего мира. Устойчивые выражения и цитаты из литературных произведений, песен, кинофильмов и пр., которые, как полагают разработчики, входят в фонд фоновых знаний игрока, подвергаются различным преобразованиям, открывающим возможности для языковой игры и реализации апеллятивной и экспрессивной функций интертекста. Особенно часто интертекстуальные включения можно встретить в формулировке заданий, которые игроку необходимо выполнять в ходе прохождения игры (квестов).

Как правило, запись, которая появляется в списке игровых заданий, когда игрок получает новый квест, состоит из названия квеста и его краткого описания. При этом если описание квеста всегда представляет собой прямолинейный перечень действий, которые необходимо выполнить игроку (к примеру, *Travel to the Storm Coast* ‘Отправьтесь на Штормовой берег’ или *Find out who sent the mysterious letter* ‘Узнайте, кто отправил загадочное письмо’), то в качестве названия может избираться экспрессивное выражение, нередко содержащее в себе элементы языковой игры, основанной на интертекстуальности. Это можно объяснить тем, что заголовку как особому элементу текста присуща немаловажная когнитивная функция: он создает «макроструктурную репрезентацию» [Ван Дейк, 2000, с. 145]. Заголовок подготавливает аудиторию к восприятию

остального текста, активизируя определенные фреймы (структуры знания), в связи с чем использование аллюзии в заголовке является прекрасным способом привлечь внимание и возбудить интерес [Ляпшина, 2011, с. 296]. Ранее лингвисты, в том числе авторы кандидатских исследований, рассматривали эту проблему применительно к более традиционным формам дискурса, например, газетным статьям [Поветьева, 2014], однако, как мы можем увидеть, когнитивный потенциал заголовка успешно реализуется и в видеоиграх.

3.2.1. Интертекстуальные включения из фразеологического фонда английского языка

При рассмотрении материала вышеперечисленных видеоигр нам удалось отобрать 204 названия квестов, содержащих разнообразные интертекстуальные включения. Подавляющее большинство из них (143 примера) отсылают игрока к фразеологическому фонду английского языка, включая находящиеся на его периферии речевые клише. При этом в 37 случаях, что составляет приблизительно 25% от числа интертекстуальных включений из фразеологического фонда и 18,1% от общего числа обнаруженных примеров, используемые устойчивые выражения подвергаются структурным преобразованиям, т.е. изменению компонентного состава.

Наиболее распространенным способом преобразования включений из фразеологического фонда является замена одного из компонентов фразеологических и иных единиц с постоянной сочетаемостью на лексическую единицу, созвучную данному компоненту: омоним, пароним или рифмующуюся единицу. Подобную замену мы смогли пронаблюдать примерно в 54% от рассматриваемых 37 случаев (т.е. на примере 20 названий квестов). К данной группе, в частности, относится название квеста *Lifting the Vale* из ролевой видеоигры «Elder Scrolls: Oblivion» ‘Древние свитки: Обливион’, которое буквально переводится как ‘Поднимая долину’¹ (по сюжету квеста игрок отправляется на поиски давно потерянного волшебного амулета в снежную долину в горах); в данном случае мы имеем дело с преобразованным устойчивым словосочетанием *lift the veil* ‘приподнять завесу’, где компонент *veil* ‘завеса’ является омонимом (омофоном) компонента *vale* ‘долина’. В качестве примера также можно рассмотреть и название квеста *An Axe to Find* ‘Найти топор’ из ролевой видеоигры «Elder Scrolls: Skyrim», источником для которого послужила фразеологическая единица *have an axe to grind* ‘иметь

¹ Здесь и далее для наглядной демонстрации функционирования интертекстуальных включений в основном будут даваться буквенные переводы названий квестов, которые чаще всего не соответствуют официальному переводу рассматриваемых игр.

претензии, испытывать неудовольствие, преследовать корыстные цели', буквально 'точить топор'. Компонент *grind* 'точить' рифмуется с компонентом *find* 'найти'.

Следующую по размеру категорию составили 7 единиц практического материала, или около 18,9% от общего числа названий квестов с преобразованными интертекстуальными включениями из фразеологического фонда. Данные названия квестов характеризуются тем, что один из компонентов единицы с постоянной сочетаемостью заменяется на другую лексическую единицу, не созвучную ему, но имеющую отношение к сюжету квеста. Наглядным примером подобного преобразования может послужить название квеста *Cappy in a Haystack* 'Крышка в стоге сена' из игры «Fallout IV», которое служит отсылкой к фразеологической единице *needle in a haystack* 'иглолка в стоге сена'. Компонент *needle* 'иглолка' подвергается замене на лексическую единицу *cappy* 'крышка от бутылки', поскольку именно крышки от стеклянных бутылок из-под газировки используются в постапокалиптическом игровом мире *Fallout* в качестве основной валюты, и игроку дается задание обнаружить тайники, где они спрятаны.

В свою очередь, 5 из рассматриваемых 37 названий квестов (около 13,5%) объединяет такой способ преобразования единиц с постоянной сочетаемостью, как замена одного из компонентов на антонимичную ему лексическую единицу. В качестве примера можно привести название квеста *Future Imperfect* 'Несовершенное будущее', отсылающее игрока к названию грамматической формы *future perfect (tense)* 'будущее совершенное (время)'; компонент *perfect* 'совершенный' подвергается замене на грамматический антоним *imperfect* 'несовершенный'.

Далее, в приблизительно 10,8% рассматриваемых 37 названий квестов (т.е. в 4 случаях) мы наблюдаем замену одного из компонентов фразеологической единицы или речевого клише на лексическую единицу, которая включает в состав созвучный элемент. К примеру, название квеста *Smooth Jazbay* 'Гладкий джазби' из видеоигры «Elder Scrolls: Skyrim», где компонент *jazbay* 'джазби' (название вымышленного сорта винограда) замещает собой компонент *jazz* 'джаз' устойчивого словосочетания *smooth jazz* 'легкий джаз'.

И наконец, оставшееся 1 название квеста представляет собой преобразованную фразеологическую единицу, где один из компонентов был заменен на лексическую единицу, имеющую с данным компонентом общую морфему. Речь идет о квесте *Pain in the Necklace* 'Погоня за ожерельями' (буквально 'Беда с ожерельем') из игры «Elder Scrolls: Skyrim», который заключается в помощи одному из персонажей игры собрать коллекцию крайне редких украшений. Название *Pain in the Necklace*

представляет собой трансформированную описанным выше способом фразеологическую единицу *pain in the neck* ‘нечто раздражающее и неприятное, головная боль’ (буквально ‘боль в шее’).

Несмотря на очевидное многообразие преобразований, которым могут подвергаться интертекстуальные включения из фразеологического фонда английского языка, функционирующие в дискурсе видеоигр, большинство выявленных нами фразеологических единиц и речевых клише (106 из 143, что составляет приблизительно 74,1%) приводится без внешних изменений. При этом буквальное значение компонентов может обыгрываться по ходу развития сюжета, что и служит деформационным маркером.

К примеру, в игре «Elder Scrolls IV: Oblivion» игрок может выполнить задание под названием *A Brush with Death* ‘Схватка со смертью’. Суть квеста состоит в спасении художника, оказавшегося запертым внутри собственной картины, которую он написал при помощи магической кисти; к данному предмету, играющему в сюжете квеста первостепенную роль, игрока отсылает компонент *brush*, также имеющий буквальное значение ‘кисть’. В свою очередь, одно из заданий, получаемых игроком в игре «Dragon Age: Inquisition» ‘Век дракона: Инквизиция’, носит название *Seeing Red* ‘Видя красное’ и подразумевает уничтожение зловещих красных кристаллов, контакт с которыми сводит людей с ума (тем самым обыгрывается буквальное значение прилагательного *red* ‘красный’ и значение фразеологической единицы *to see red* ‘прийти в ярость’).

Также примечательно, что в случае с видеоигрой «Fallout: New Vegas» ‘Фоллаут: Новый Вегас’, действие которой разворачивается на территории американских штатов Невада, Калифорния и Аризона в далеком будущем, после того, как человечество пережило ядерную катастрофу, в названиях квестов удалось обнаружить целый ряд устойчивых выражений из понятийной сферы азартных игр (*All or Nothing* ‘Все или ничего’, *The House Always Wins* ‘Заведение всегда выигрывает’). Это обусловлено тем, что город Лас-Вегас в штате Невада ассоциируется в сознании носителей языка с игорным бизнесом. Интересно отметить, что компонент *house* ‘заведение’ в названии квеста *The House Always Wins* также является аллюзией на фамилию персонажа, от лица которого исходит данная миссия (*Mr. House* ‘Мистер Хаус’).

3.2.2. Интертекстуальные включения из других источников

Остальные примеры (61 наименование, или 29% от всех интертекстуальных включений, обнаруженных в дискурсе видеоигр) содержат интертекстуальные включения, отсылающие игрока к разнообразным

прецедентным текстам и феноменам массовой культуры, преимущественно американской. При внимательном рассмотрении данных примеров мы обнаруживаем, что некоторые прецедентные тексты являются универсальными для видеоигр обоих рассматриваемых жанров (фэнтези и научная фантастика), другие же являются более предпочтительными для конкретного жанра.

Так, в качестве универсального прецедентного текста можно назвать Библию: отсылки к ней (общее число примеров – 13) встречаются как в названиях квестов из игр жанра фэнтези (*My Brother's Keeper* 'Сторож своему брату', *Sins of the Father* 'Грехи отца'), так и в названиях квестов из игр жанра научная фантастика (*We Are Legion* 'Имя нам Легион', *Render Unto Caesar* 'Кесарю кесарево'). Однако нельзя не подчеркнуть, что, вполне вероятно, носитель языка может уже не опознавать те или иные интертекстуальные включения как аллюзии на Библию, поскольку высказывания, восходящие к библейским источникам, многократно подвергаются цитированию и могут ассоциироваться с деятелями культуры и политики, использовавшими данные включения. Так, высказывание из Евангелия от Марка *If a house is divided against itself, that house cannot stand* 'И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот' (Марк 3: 25), аллюзия на которое содержится в названии миссии *A House Divided* (буквально 'Дом разделенный') из игры «Fallout IV», было использовано Авраамом Линкольном в одной из его наиболее знаменитых речей. Аналогичным образом цитата из Первого послания к Коринфянам *For now we see through a glass, darkly* 'Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно' (1 К. 13: 12), к которой отсылает название квеста *Through a Nightmare, Darkly* 'Сквозь темный кошмар' из игры «The Elder Scrolls: Oblivion», вошла в название целого ряда литературных произведений, а также музыкальных композиций и эпизодов телесериалов.

В свою очередь, если перейти к прецедентным текстам, являющимся специфическими для конкретной видеоигры или жанра, сразу следует отметить, что названия квестов из игр в жанре фэнтези нередко содержат интертекстуальные включения из произведений Дж.Р.Р. Толкиена, в частности, его трилогии «Властелин колец» (*Affairs of a Wizard* 'Дела волшебника'; *A Knife in the Dark* 'Клинок в ночи'; *They Shall Not Pass* 'Они не пройдут'). Можно предположить, что это связано с тем, что творчество Толкиена рассматривается как набор «прототипических текстов жанра фэнтези» [Кулакова, 2011, с. 13].

Кроме того, значимыми прецедентными текстами для видеоигр в жанре фэнтези можно назвать произведения У. Шекспира. Так, мы можем встретить такие названия квестов, как *Strange Bedfellows* 'Странные товарищи по постели' (отсылка к словам, которые шут Тринкуло

произносит во второй сцене акта II пьесы «Буря»), *What's in a Name* 'Что в имени твоём' (данное название квеста представляет собой аллюзию на знаменитый монолог Джульетты во время «сцены на балконе» в акте II пьесы «Ромео и Джульетта») и пр.

В дискурсе ролевых видеоигр жанра фэнтези также можно выделить и несколько других заслуживающих внимания источников интертекстуальных включений. В первую очередь, это классическая американская поэзия, в частности творчество Роберта Фроста. Так, в ролевой видеоигре «*Elder Scrolls V: Skyrim*» игроку дается задание похитить из конюшни породистого жеребца по кличке Фрост; при этом название квеста (*Promises to Keep* 'Исполнить обещания') представляет собой цитату из известного произведения Р. Фроста *Stopping by the Woods on a Snowy Evening* 'Остановившись у леса зимним вечером'.

В свою очередь, в практическом материале, обнаруженном в игре «*Dragon Age II*» 'Век дракона II', мы находим название квеста *Fools Rush In* 'Глупцы спешат'. Афоризм *Fools rush in where angels fear to tread* 'Глупцы спешат туда, куда ангелы боятся ступить' принадлежит перу британского поэта-классициста Александра Поупа, но вошел в массовую культуру благодаря крайне популярной песне Элвиса Пресли *Can't Help Falling in Love* 'Не могу не влюбиться'.

Кроме вышеупомянутых отсылок к литературным произведениям и фактам массовой культуры, дискурс видеоигр жанра фэнтези может содержать интертекстуальные включения из таких прецедентных текстов, как рыцарские романы (ср., к примеру, квест *Spirit in the Lake* 'Дух озера' из игры «*Dragon Age: Inquisition*», по завершении которого игрок получает в награду меч, который невидимая сила поднимает со дна озера, по аналогии с сюжетом о Владычице озера и Экскалибуре из артуровского цикла) и сказки. В последнем случае будет интересно привести в пример квест из игры «*Dragon Age: Inquisition*», где игроку предстоит победить фантастическое существо снежно-белого цвета и принести чародейке его сердце: он несет название *Bring Me the Heart of Snow White* 'Принеси мне сердце Белоснежки', и при этом аллюзия на сюжет о Белоснежке, преследуемой злой мачехой, служит для создания эффекта обманутого ожидания, поскольку чародейка не сообщает, для чего ей потребовалось сердце существа, и у игрока, в сознании которого активизировались определенные фреймы при распознавании аллюзии на сказку, могут возникнуть подозрения, что она замышляет какое-то злодеяние. Однако в конце квеста оказывается, что сердце нужно чародейке для благих намерений. Таким образом, нарушается предсказуемая «линейность текста» [Васильева, 2011, с. 49], и повествование сильнее воздействует на игрока.

В случае с рассмотренными играми в жанре научная фантастика не удалось с той же степенью четкости определить основной источник интертекстуальных включений. Однако стоит упомянуть о том, что в названиях квестов в игре «Fallout: New Vegas», в силу уже названных выше особенностей места действия, весьма часто встречаются отсылки к таким явлениям американской массовой культуры, как фольклор ковбоев, фильмы в жанре вестерн и музыка в стиле кантри. Так, к примеру, названия квестов *By a Campfire on the Trail* ‘У костра в пути’ и *There Stands the Grass* ‘Там растет трава’ отсылают игрока к одноименным песням (исполнители – Джин Давенпорт и Уэбб Пирс соответственно), в то время как название квеста *They Went That-a-Way* ‘Они пошли туда’ представляет собой аллюзию на распространенную фразу, при помощи которой персонажи вестернов указывают на то, в каком направлении скрылись злодеи.

Возможно, значимые прецедентные тексты, универсальные для всего жанра научная фантастика, удастся выявить в ходе дальнейшего изучения большего корпуса ролевых видеоигр.

4. Заключение

Таким образом, проанализировав внутриигровые тексты и названия заданий, выполняемых игроком, мы сумели выявить случаи языковой игры, основанной на преобразовании интертекстуальных включений из фразеологического фонда английского языка, а также обнаружить наличие интертекстуальных связей между видеоиграми и другими продуктами человеческого творчества (литературой, кинематографом и пр.). Последнее служит подтверждением того, что современные видеоигры, особенно те из них, которые отличаются сложностью сюжета и многообразием виртуального мира, можно считать полноценным культурным феноменом и объектом изучения, в частности, в рамках лингвистики. Интересным направлением будущей исследовательской работы, например, может стать сопоставление того, как интертекстуальные включения функционируют в ролевых видеоиграх и литературных произведениях соответствующих жанров (фэнтези и научная фантастика). Это поможет точнее определить особенности ролевых видеоигр как разновидности дискурса. Кроме того, весьма актуальным представляется и изучение способов передачи интертекстуальных включений в официальных переводах видеоигр на русский язык.

Библиографический список / References

Арнольд, 1999 – Арнольд И.В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. СПб., 1999. [Arnol'd I.V. Intertextuality: the poetics of another's word. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost*. Digest of articles. St. Petersburg, 1999.]

Ван Дейк, 2000 – Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. [Van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, 2000.]

Васильева, 2011 – Васильева Е.А. Функциональная специфика аллюзивных текстов (на материале пьес Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Травести»): Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011. [Vasilieva E.A. *Funktsional'naya spetsifika alluzivnykh tekstov (na materiale p'es T. Stopparda "Rozenkrantz i Gildernstern mertvy" i "Travesti")* [The functional specifics of allusive texts (based on T. Stoppard's Plays *Rosencrantz and Guildenstern are dead* and *Travesties*)]. PhD diss. St. Petersburg, 2011.]

Караулов, 2010 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. [Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, 2010.]

Кристева, 2000 – Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 427–457. [Kristeva J. *Bakhtin, word, dialog, and novel. Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststructuralizmu*. Ed. and transl. from French by G.K. Kosikov. Moscow, 2000. Pp. 427–457.]

Кулакова, 2011 – Кулакова О.К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования (на материале жанра фэнтези): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. [Kulakova O.K. *Interkstual'nost v aspekte zhanroobrazovaniya (na materiale zhanra fentezi)* [Intertextuality in the aspect of genre building (based on the fantasy genre)] PhD diss. Irkutsk, 2011.]

Лапшина, 2011 – Лапшина М.Н. Интертекстуальность и устный перевод // Университетское переводоведение. Вып. 11. Материалы XI международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». СПб., 2011. С. 295–301. [Lapshina M.N. *Intertextuality and interpreting. Universitetskoe perevodovedenie. Vypusk 11. Materialy XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po perevodovedeniyu "Fedorovskie chteniya"*. St. Petersburg, 2011. Pp. 295–301.]

Лотман, 1992 – Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избр. ст. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132. [Lotman Yu.M. *Semiotics of culture and the notion of text. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i*. Vol. 1. Tallinn, 1992. Pp. 129–132.]

Поветьева, 2013 – Поветьева Е.В. Лингвистический взгляд на интертекстуальность как доминанту идиостиля автора на примере прецедентного имени // Вестник СамГУ. 2013. № 2 (103). С. 113–117. [Povet'eva E.V. *Linguistic view on intertextuality as the keynote of an author's idiosyncrasy in terms of precedent names. Vestnik SamGU*. 2013. № 2 (103). Pp. 113–117.]

Телия, 2004 – Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004. С. 19–31. [Teliya V.N. Cultural and language competency: its linguistic probability and profound embedment in units of language phraseology. *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh*. Moscow, 2004.]

Харлашкин, 2016 – Харлашкин М.Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92–98. [Kharlashkin M.N. Features of discourse of videogames. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2016. № 1. Pp. 92–98.]

Aarseth, 2001 – Aarseth E. Computer Game Studies, Year One. URL: <http://gamestudies.org/0101/editorial.html> (дата обращения: 28.11.2016).

Dragon Age Wiki – Dragon Age Wiki. URL: http://dragonage.wikia.com/wiki/Dragon_Age_Wiki (дата обращения: 08.11.2016).

Ensslin, 2012 – Ensslin A. The Language of Gaming. Palgrave MacMillan, 2012.

Nukapedia – Nukapedia. URL: http://fallout.wikia.com/wiki/Fallout_Wiki (дата обращения: 08.03.2017).

The Elder Scrolls Wiki – The Elder Scrolls Wiki. URL: http://elderscrolls.wikia.com/wiki/The_Elder_Scrolls_Wiki (дата обращения: 08.11.2016).

The Imperial Library – The Imperial Library. URL: <https://www.imperial-library.info> (дата обращения – 08.11.2016).

Статья поступила в редакцию 12.12.2016

The article was received on 12.12.2016

Богданова Ксения Витальевна – аспирант кафедры английской филологии и перевода филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Bogdanova Ksenia V. – post-graduate of Department of English Philology and Translation of Faculty of Philology, St. Petersburg State University

E-mail: ksuschannta@yandex.ru

Е.Ю. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Придаточное неосуществленного действия в болгарском языке и его русские параллели¹

В статье рассматриваются болгарские сложные предложения с союзом *без да*, содержащие придаточное, которое сообщает о неосуществленном действии. Проанализированы грамматические и семантические свойства этой конструкции, определяемые входящими в состав союза отрицанием и модальной частицей *да*. Показано кумулятивное воздействие двух показателей нефактивности на глагольные категории сказуемого в составе подчиненной предикации. Описаны русские переводческие соответствия и предложены объяснения случаев, при которых русские деепричастия не могут выступать эквивалентами данных конструкций.

Ключевые слова: союз *без да*, придаточное образа действия, отрицание, нефактивность, взаимодействие грамматических категорий, болгарский язык, русский язык.

E.Yu. Ivanova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg 199034, Russian Federation

The subordinate clause of unaccomplished action in Bulgarian and its Russian parallels²

The paper reviews Bulgarian complex sentences containing the subordinate clause with the conjunction *bez da* relating to an unaccomplished action. Grammatical and semantic properties of this construction are analysed, which are

¹ Исследование ведется в рамках работы над проектом РГНФ № 16-04-50019.

² This work is supported by Russian Foundation for Humanities, grant № 16-04-50019.

conditioned by the presence of the negation marker and the modal particle *da*. The paper testifies to the influence that the cumulative action of the two non-factuality markers exerts on verbal categories of the subordinate predicate. Russian translation correspondences are detailed, and an explanation is put forward for the case when Russian adverbial participles cannot serve as equivalent of those constructions.

Key words: conjunction *bez da*, subordinate clause of manner, negation, non-factuality, interaction of grammatical categories, Bulgarian, Russian.

1. Болгарские предложения с союзом *без да*: основные характеристики и место в типологии сложноподчиненного предложения

1.1. Происхождение союза *без да*

Предложения с союзом *без да* ('без [того] чтобы') возникли на месте старославянских конструкций с отрицательным причастием: причастная форма была замещена *да*-конструкцией (сочетанием модального компонента *да* с личной формой глагола), а предлог *без* взял на себя функции показателя отрицания. Постепенно эти конструкции расширили свое употребление в болгарском языке, вытеснив и отрицательные деепричастия [Лашкова, 1973, с. 74–76]. Процесс формирования предложений с союзом *без да* связывается с балканским влиянием: аналогичные соединения предлога со значением 'без' с модальным элементом глагольной формы в единый союз наблюдаются в греческом (*χωρίς / δίχως να*) и румынском (*fără să*) языках. В албанском предлог *pa* 'без' связывается с причастной формой, хотя имеющие и образования по типу славянских деепричастий с отрицанием [Там же; Асенова, 1980]. В болгарском языке появление этого союза фиксируется, скорее всего, не ранее XVIII в., в румынском — не ранее XVI в. [Лашкова, 1973, с. 76; Асенова, 2002, с. 179], тогда как аналогичный союз существовал еще в древнегреческом.

Тенденция к связыванию предлога и модального элемента, входящего в состав общебалканской аналитической конструкции, заменившей инфинитив и некоторые причастные формы, для создания семантически специализированных сложных союзов, охватила и другие предлоги, ср. болг. *за да* 'для [того] чтобы' или устар. *от да* 'от [того] чтобы' и их аналоги в других балканских языках [Асенова, 2002, с. 180]. В болгарском языке сформировались и иные подобные союзы с узкоспециализированной семантикой: *освен да* 'кроме [того] чтобы', *вместо да* 'вместо [того] чтобы', *преди да* 'прежде чем'. Таким образом, процесс, начавшийся в период усиленных балканских контактов, впоследствии стал соответствовать потребности в интеллектуализации речи, возникшей

на начальном этапе формирования национальных литературных языков [Асенова, 2002, с. 180].

В целом соединение предлога со значением исключения/отсутствия с разными по форме союзными компонентами известно многим языкам¹, ср. рус. *без того, чтобы*, как в переводе примера (4) ниже, нем. *ohne daß* или фр. *sans que*. Даже в рамках южнославянских и – шире – славянских языков имеются разные варианты связи предлога *без* с теми или иными глагольными формами, см. обзор фактов чешского, сербохорватского языков, а также лужицких, где видится воздействие немецкой конструкции [Лашкова, 1973, с. 76–78].

Наиболее близкая к болгарскому языку форма (т.е. соединение *без* с модальной частицей *да* и последующим личным глаголом) и с теми же функциями имеется в македонском языке. По данным анонимного рецензента, аналогичная модель с *да* развилась в субстандартных регистрах словенского и сербского языков, в чем усматривается влияние контактов с фриульским, итальянским и немецким языками. Однако конструкции типа *без да*, по замечанию того же рецензента, известны в этих языках из письменных памятников не ранее XIX в. Этот факт показывает, что источники данной модели могут быть разными даже в пределах южнославянской группы языков: в болгарском и македонском она появилась раньше, по-видимому, независимо от северных и западных соседей. Обратим внимание и на обязательный модальный характер данной балканской частицы.

Балканский характер данного явления определяется, с одной стороны, единством формы и функций, с другой – близким временем возникновения из одного (греческого) источника воздействия. В работе [Фридман, 2011, с. 49–50] данный тип конструкции ('без' + 'да' + Verb), вслед за работой [Kazazis, 1968] выведен как общебалканский тип формирования модели с семантикой «А делает В, не делая С». Приводя данные греческого, албанского, болгарского, македонского, румынского, цыганского и арумынского языков, В. Фридман рассматривает эту модель как типичный образец единого, за исключением албанского языка, применения общей балканской частицы *da/tě/sǎ/va*.

1.2. Основные грамматические характеристики предложений с союзом *без да*

В современном болгарском языке высокая активность конструкций с союзом *без да* определяется утратой деепричастия совершенного вида

¹ Благодарю анонимного рецензента за ценные замечания и дополнительные лингвистические данные, побудившие меня к более развернутому обсуждению данного вопроса.

и сокращенной сферой действия деепричастия несовершенного вида; о болгарском деепричастии см. [Гугуланова, 2005; Васева, 1970; Градинарова, 2014].

Союз *без да* вводит придаточное предложение, в типичном случае сообщающее о неосуществленном действии, которое могло бы сопровождать действие главной части (при глаголе несовершенного вида) или предварять его (при глаголе совершенного вида) [Захаревич, Крылова, 1978, с. 50], ср. (1) и (2). Отрицательный компонент в составе союза является ударным – *бѣз да*:

- (1) *Нацупила се – върви напред, почти бѣз да говори* (PRES.IPFV.3SG¹) *с него* (Д. Пеев).

‘Ну вот, надулась: идет вперед, почти не разговаривая с ним (букв. почти без [того] чтобы говорить с ним)’².

- (2) *Но на четвъртия ден Сузи замина малко неочаквано, бѣз да разбере* (PRES.PFV.3SG) *нищо* (П. Вежинов).

‘Но на четвертый день Сузи неожиданно уехала, так ничего и не узнав’ (пер. Л. Лихачевой).

Все основные структурно-семантические особенности придаточной части с *без да* связаны с происхождением этого союза: с одной стороны, с ограничениями, типичными для *да*-конструкции в результате ее экспансии в систему сложноподчиненных предложений болгарского языка, с другой – с элементом *без* как средством создания общего отрицания в зависимой предикации. Здесь перечислим те из них, которые уже давно получили освещение в лингвистической литературе [Лашкова, 1973, с. 76; Захаревич, Крылова, 1978, с. 50; Шамрай, 1981; ГСБКЕ, 1983, с. 364–365], далее в статье мы дополним их новыми наблюдениями.

1. Модально-темпоральные ограничения на сказуемое в зависимой предикации: оно представлено только формами изъявительного наклонения, а временные варианты ограничены настоящим временем и перфектом (реже встречается плюсквамперфект и в особых условиях имперфект). Это связано со спецификой элемента *да*: нефактивность

¹ Сокращения: PRES – настоящее время; AOR – аорист; PERF – перфект; PPERF – плюсквамперфект; IMPERF – имперфект; FUT – будущее время; PFV – совершенный вид; IPFV – несовершенный вид; SG – единственное число.

² Иллюстративный материал собран из Национального корпуса болгарского языка (<http://dcl.bas.bg/bulnc/>, помета БНК), болгарско-русского (БРПК) и русско-болгарского (РБПК) параллельных корпусов (<http://rbcorpus.com/index2.php>; при этих примерах указана фамилия переводчика), из интернет-источников (И) и личного корпуса автора. Переводы без указания переводчика сделаны автором статьи.

(как свойство обозначать ирреальные, в основном гипотетические ситуации) считается общим семантическим инвариантом разнообразных употреблений *да*-конструкции в современных болгарском и македонском языках [Ницолова, 2008, с. 328; Тополинска, 2008, с. 56; Петрова, 2015; Субјунктив, 2015 и др.]. Некоторое исключение составляют контексты с глаголами перцепции, способными присоединять с помощью *да* сообщения о реальном положении дел: *Усетих някой да ме докосва по рамото* ‘Я почувствовал, как кто-то трогает меня по плечу’, но и они обычно употребляются в отрицательной форме, снимающей истинность вводимой пропозиции [Ласкова, 2009; Петрова, 2015]: *Не усетих някой да ме е докосвал* ‘Я не почувствовал, чтобы кто-нибудь дотрагивался до меня’.

В целом в сложных предложениях *да* рассматривается как модальный союз (или конъюнктивоподобная частица), включая случаи, когда он является элементом союза (*без да, за да, преди да* и др.)¹.

В подразделе 3 мы еще вернемся к набору времен в предложении неосуществленного действия и покажем, что выбор временной формы сказуемого в предикации с союзом с *без да* не связан напрямую с реальным соотношением событий на темпоральной оси.

2. Возможность дистанционного расположения компонентов союза. Между *без* и *да* обычно располагается подлежащее зависимой клаузы (как *той* в примере (4) далее), факультативно могут быть вставлены обстоятельственные компоненты и конкретизирующие частицы (3а), а также топикализованные дополнения (3б):

(3) а. *А вие какво искате – не можем да решим толкова заплетена ситуация, без поне малко да рискуваме* (А. Милчев, БНК).

‘А что вы хотите – мы не можем разрешить такую запутанную ситуацию, хотя бы немного не рискуя (букв. без хотя бы немного чтобы мы рисковали)’.

б. *Сам обясни всичко на хората, без да се пали и без тях да пали* (Б. Димитрова).

‘Он все объяснил людям, сам не кипятясь и их не заводя’.

3. Возможность некорреферентности субъектов главной и зависимой предикации, как в примере (4) или (5в). См. и раздел 4.2.

¹ Существует несколько союзов (*макар да; и да, да*), в составе которых содержится элемент *да*, являющийся наследником старославянской модальной частицы-союза, сопровождавшей условные союзы [ГСБЕ, 1983, с. 403; Дограмаджиева, 1984, с. 194, 210; ГСБЕ, 1993, с. 509]. Эти позиции не связаны с замещением инфинитива *да*-конструкцией, поэтому здесь и набор времен не имеет характерных для *да*-конструкции ограничений [Ницолова, 2009].

4. Запрет на отрицание при предикате придаточной части; нейтрализация отрицательного смысла всего сложного предложения при наличии отрицания при предикате главного предложения. Так, в (4) в зависимой предикации указывается действие, без которого не обходится осуществление действия в главной предикации. Отрицание в главной и придаточной частях помогает выразить убежденность субъекта речи в том, что ситуация обычно происходит только так, а не иначе.

(4) *Нито едно събиране ... не завършваше, без той да се напие като пън* (БНК).

‘Ни одна встреча не заканчивалась *без того, чтобы* он не напился вдрызг’ (= Каждая встреча заканчивалась тем, что он напивался вдрызг).

5. Возможность использования в зависимой предикации как неопределенных (5а, 5б), так и отрицательных (5в) местоимений и наречий:

(5) а. *Разгадаваше латинските им [на цветята] названия, без някога да е учил латински* (Г. Господинов, БНК).

‘Он разгадывал их [цветов] латинские названия, хотя никогда не учил латинский (*букв. без когда-либо чтобы* учил латинский)’.

б. *Един удар и ще бъде изхвърлен от влака, без някой да забележи* (Д. Пеев, БНК).

‘Один удар, и он будет выброшен из поезда, так что этого никто не заметит (*букв. без кто-либо чтобы* заметил)’.

в. *Не се плаши, ще те отмъкна, без никой да забележи.*

‘И не бойся, я увезу тебя так, что никто не заметит (*букв. без никто чтобы* заметил)’ (пер. Л. Лихачевой).

В целом в болгарском языке способность сентенциального отрицания лицензировать отрицательные местоимения не имеет серьезных отличий от русского языка¹. Как и в русском, «отрицательные местоимения сами по себе не являются маркерами отрицания (negative quantifiers) и вне сентенциального отрицания неграмматичны» [Корнакова, Лютикова, Гращенко, 2016, с. 60], см. также [Падучева, 2013] и др.

¹ Об основных характеристиках болгарского отрицательного предложения см., например, [Иванова, Градинарова, 2015, с. 77–87]. Здесь лишь отметим, что основные отличия болгарского отрицания от русского связаны прежде всего с регулярным смещением частного отрицания к предикату и со свойствами частицы-союза *ни(то)*, способного в ряде позиций выступать как средство общего отрицания.

Однако лицензирование неопределенных местоимений [Осенова, 1999], а также выбор между отрицательным или неопределенным местоимением в конструкции с *без да* нуждается в специальном исследовании: несмотря на то, что, например, статистика употребления местоимений *никой* ‘никто’ и *някой* ‘кто-либо’, ‘кто-нибудь’ в корпусе одинакова¹, необходимо отдельно изучить не только семантические и грамматические условия их реализации (как, например, [Герасимова, 2015; Корнакова, Лютикова, Гращенков, 2016]), но также и сравнить, каков выбор между этими местоимениями в придаточных с другими союзами с *да* (*да*, *преди да*, *за да* и др.), где отрицание не включено в состав союза. Эта важная проблема в данной статье, однако, не рассматривается.

1.3. Место предложений с союзом *без да* в типологии сложноподчиненного предложения

Классификационный статус сложных предложений с союзом *без да* является условным: в болгаристике они автоматически помещаются в ту же классификационную группу, что и их, так сказать, положительные корреляты – предложения с союзом *като* ‘как’, ‘когда’, ‘в то время как’, см. пример (6). Союз *като* может вводить и отрицательную предикацию, таким образом формируя синонимическую, хотя и менее употребительную, по сравнению с *без да*, отрицательную конструкцию, см. примеры (7а) и (7б) из [ГСБКЕ, 1983, с. 365]:

(6) *Той говори бавно, като разтегля гласни* (Г. Марков).

‘Он говорит медленно, растягивая гласные’.

(7) а. *Той вървеше, като не обръщаше внимание на движението по улицата.*

‘Он шел, не обращая внимания на движение на улице’.

б. *Той вървеше, без да обръща внимание на движението по улицата.*

(То же).

В подразделе 2 мы покажем некоторые существенные семантические отличия этих функционально близких построений.

Предложения с союзом *като*, в свою очередь, также не имеют установленно места в классификации сложноподчиненных предложений.

¹ В непереводной части корпуса БНК, открытой для онлайн-доступа: 103 и 102 вхождения для последовательностей *без никой да* и *без някой да* соответственно (<http://search.dcl.bas.bg/>, дата обращения: 28.04.2017).

В болгарской лингвистике их традиционно относят к предложениям «за начин и сравнение» (образа действия и сравнения) [ГСБКЕ, 1983, с. 363–365]. В грамматиках русских болгаристов [Захареви́ч, Крылова, 1978, с. 50–51; Маслов, 1981, с. 395–396] предложения с *без да* и *като* отделены от сравнительных как особая группа предложений образа действия. В работе [Иванова, Градинарова, 2015, с. 302–305] принято решение описывать предложения с *като* и *без да* как разновидность временных предложений, таким образом подчеркнуто значение совместного действия как ведущее для их семантики: сопровождающая ситуация в придаточной части (в том числе несостоявшаяся) определяет характер действия в главной, способ его протекания и осуществления.

2. Семантика предложений с союзом *без да*

Семантические возможности предложений с союзом *без да* представлены в лингвистической литературе лишь отрывочными сведениями. При том что наиболее типичным считается значение сопровождающего действия, отмечаются значительные отклонения от этой семантики, проистекающие, собственно, из значения исключения и противопоставления, характерных для исходного предлога *без*.

Вычлениют прежде всего уступительное (8) и противопоставительное (9) значения [Лашкова, 1973; Шамрай, 1981; ГСБКЕ, 1983; Асенова 2002 и др.]. Последнее наиболее ярко выражено в структурах с разными субъектами в главной и зависимой клаузе, как в (9б), где при этом проявляется, в формулировке Р. Ницоловой, «отсутствие обусловленности одного [действия] другим» [ГСБКЕ, 1983, с. 365], см. и подраздел 4.2.

(8) *Аз лично го водих там – без да беше включено в програмата му.*

‘Я лично водил его туда, хотя это не было включено в его программу’.

(9) а. *Какво правите с депутат, който говори, без да се мотивира? Смяете ли му се? (А. Сейков, БНК).*

‘Что вы делаете с депутатом, который высказывается, не приводя аргументов? Смейтесь над ним?’

б. *Ето толкова дни бяха минали, без да му се обади (П. Вежинов).*

‘Сколько уже дней прошло, а он даже не звонит (букв. без [того] чтобы [он/тот] ему позвонил)’ (пер. Л. Лихачевой).

Обратим внимание и на другие, еще не отмеченные в литературе семантические особенности предложений с союзом *без да*, которые

особенно отчетливо выявляются на фоне их функциональных синонимов – предложений с союзом *като* с последующим отрицанием при предикате.

Предложения с союзом *без да*, в отличие от предложений с *като не*, не способны выражать *причинно-следственные отношения* между событиями. Так, *без да* не может вводить зависимую предикацию, обозначающую стимул, причину эмоционального состояния ('не сделав Q, тем самым вызвать состояние P'):

- (10) *Той се учуди, като не (*без да) намери никого в къщи.*

‘Он удивился, не найдя никого в доме’.

- (11) *Аз се притеснявах, като не (*без да) отговорих на нито един въпрос след доклада.*

‘Я переживал, не ответив ни на один вопрос после доклада’.

Без да не может оформлять зависимую клаузу, обозначающую событие-причину ('не делая / не сделав Q, тем самым привести к ситуации P'), см. примеры (12–13), где возможно употребление союза *като*, но недопустим союз *без да*. Тот же запрет наблюдается и при указании на не реализованное в прошлом мотивирующее действие (14), хотя в таком случае предпочтительно употребление не *като*, а специализированных составных причинно-следственных союзов на его основе – *тъй като*, *след като*:

- (12) *Властта, като не отделя достатъчно пари за образование и здравеопазване, прави бъдещето на страната непредсказуемо.*

‘Власть, не выделяя достаточно денег на образование и здравоохранение, делает будущее страны непредсказуемым’.

- (13) *И знаете ли как ме злепоставяте? Като не искате да си поемете директорския пост в института (П. Вежинов).*

‘И если бы вы знали, как вы меня подводите тем, что не хотите занять пост директора института’ (пер. Л. Лихачевой).

- (14) *Той се самоуби, тъй като / след като не успя да изплати дълговете си.*

‘Он покончил жизнь самоубийством, не сумев рассчитаться с долгами’.

Предложение с *без да* не может выражать *интерпретационные отношения*. Такие отношения возникают при двукратном назывании одного действия двумя предикатами, причем во вторичной предикации

содержится обозначение самого действия, а в главном предложении – интерпретационный предикат. Предикаты с интерпретационно-оценочным компонентом значения [Апресян, 1997, с. XX; Апресян, 2004, с. 17] не означают конкретного действия, а служат лишь для оценочной интерпретации другого действия, представленного как уже совершенное кем-то и образующее пресуппозицию данного глагола. Важная их синтаксическая особенность для русского языка состоит в том, что «их правая валентность, т.е. валентность действия, являющегося предметом интерпретации, может выражаться деепричастием или придаточным предложением с союзами *если* и *когда*: Ср. *Вы ошибаетесь, думая (если думаете), что худшее уже позади*» [Апресян, 1997, с. XX].

Применительно к примерам с отрицательным событием толкование может быть сформулировано следующим образом ‘несделанное Q можно расценить как поступок P’: *Вы ошиблись, не пригласив его*. В русском языке предложения с интерпретационными отношениями регулярно строятся с деепричастными оборотами. В болгарском языке, где сохранился лишь один вид деепричастия – несовершенного вида, причем имеющий значительные стилистические ограничения, в качестве основной параллели выступают те же предложения с *като* и отрицанием при предикате. Ср. некоторые русско-болгарские пары:

- (15) а. *Сгрешихте, като не го поканихте. – Вы ошиблись, не пригласив его.*
 б. *Той се изложи, като не отговори на нито един въпрос след доклада. – Он опозорился, не ответив ни на один вопрос после доклада.*
 в. *Много от шофьорите са самоуверени и се надценяват, като не внимават достатъчно (БНК). – Многие водители самоуверенны и переоценивают себя, не проявляя внимания на дороге.*
 г. *Страшно се излагаиш, като не пееш на живо (И). – Ты себя ужасно компрометируешь тем, что не поешь всживую.*

Использование союза *без да* и в этих случаях невозможно.

3. Выбор видо-временной формы сказуемого и семантика предложений с союзом *без да*

Темпоральное соотношение неосуществленного действия и действия в основной предикации в предложениях с союзом *без да* выражается, вообще говоря, не временной формой, а видовой. Как будет показано в п. 3.1. и 3.2, именно вид глагола указывает на сопровождающее

или предваряющее действие. Употребление других глагольных форм для выражения одного лишь темпорального значения предшествующего действия носит необязательный характер, что подтверждает возможность их взаимозамены или замены их презентной формой. Анализ материала показывает, что использование форм прошедшего плана определяется иными факторами (3.3, 3.4).

3.1. PRES.IPFV

Используется для сообщения о нереализующемся сопровождающем действии (независимо от видо-временной формы сказуемого главной части):

- (16) *Да бях се сетила малко по-рано... – повтаря (PRES.IPFV) горчиво Флора, без да ме слуша (PRES.IPFV) (Б. Райнов).*

‘Сообрази я хоть немного раньше... – продолжает сетовать Флора, не слушая меня’ (пер. А. Собковича).

3.2. PRES.PFV

Используется для сообщения о нереализованном действии, которое ожидалось как предшествующее действию в главной части (независимо от видо-временной формы сказуемого главной части):

- (17) *...Споменът изхрусква (PRES.IPFV) в него с отвратителния вкус на зрънцето грозде, което сме сдъвкали (PERF.PFV) покрай другите, без да забележим (PRES.PFV) полепналата върху него паяжина (Л. Дилов, БНК).*

‘Воспоминание взорвалось в нем, как лопнувшая во рту виноградина с отвратительным вкусом, которую мы съедаем заодно с другими, не заметив прилипшую к ней паутину’.

3.3. IMPERF

Эта наиболее редкая возможность для предложений с союзом *без да* прошедшего плана встречается, в основном, при именных и наречных предикатах (18), что отражает общую тенденцию к нейтрализации категории результативности для форм связочного глагола в именном или причастном сказуемом. При этом возможна и нейтрализация отнесенности к прошедшему времени, что отражается в замене имперфекта на настоящее время, ср. с (22).

- (18) *Без да беше (IMPERF) нужно, прокурорът се намесва (PRES.IPFV) (БНК).*

‘Хотя это и не было нужно, прокурор вмешивается’.

3.4. PERF и PPERF

Результативные времена – перфект или плюсквамперфект – употребляются при указании на никогда не происходившее / так и не произошедшее действие, которое могло бы иметь место как обуславливающее для действия в главной части.

Выбор между формами перфекта или плюсквамперфекта должен быть регулироваться, в теории, правилами согласования времен. Действительно, в ряде примеров эта соотнесенность соблюдается: при настоящем и будущем плане главной предикации в придаточной для обозначения прошедшего действия употребляется перфект, при прошедшем – плюсквамперфект, ср. соответственно (19) и (20) ниже. Однако на позициях плюсквамперфекта в зависимой части может появиться и перфект (21), и настоящее время (22):

- (19) *Парадоксалното тук е (PRES), че можеш (PRES) да бъдеш нещо... без да си бил (PERF) никога това («Култура»).*

‘Парадокс здесь в том, что можно быть чем-то, чем ты никогда не был’.

- (20) *...Ревнах (AOR) като бесен, без да бях очаквал (PPERF), че тъй ще избухна в последния миг (Д. Кирков, БНК).*

‘Я взревел, как ненормальный, сам не ожидая (букв. без [того] чтобы я ожидал), что так взорвусь в последний момент’.

- (21) *Обиди (AOR) ме, без да съм ти направил (PERF) нищо (С. Вълев).*

‘Ты обидел меня, хотя / а ведь я тебе ничего не сделал’.

- (22) *Бях откликнал (PPERF), без да съм (PRES) позован (З. Златанов).*

‘Я откликнулся, хотя меня никто и не звал (букв. я не был зван)’.

В целом для болгарского языка нейтрализация признака отнесенности действия к прошлому моменту наблюдается во многих подчиненных предикациях с союзом *да*. Здесь же в связи с отрицательным характером рассматриваемой конструкции (*без + да*) временное значение глагольной формы в подчиненной предикации становится еще менее предсказуемым с точки зрения типичного соотношения времен. «Характеристика ситуации (в видовом, временном и прочих планах) является менее релевантной для действий неосуществившихся, чем для действий осуществленных» [Храковский, Мальчуков, 2016, с. 60].

Использование сложных глагольных форм в конструкциях с *без да* служит, прежде всего, созданию дополнительных семантических

оттенков. Таким образом, граммемы времени и результативности либо нейтрализуют свое значение, либо подвергаются реинтерпретации под действием доминантной сентенциальной категории отрицания [Храковский, 1990; Aikhenvald, Dixon, 1998; Malchukov, 2011] и модального характера элемента *да*, ориентированного на контексты со снятой фактивностью (подобно рус. *чтобы*).

Как представляется, наиболее регулярно реализуются следующие соотношенности между семантикой придаточного и формой его сказуемого:

– формы перфекта и плюсквамперфекта последовательно используются в конструкциях с *без да* при выражении уступительного значения, как в (21), (23):

- (23) а. *Мога да накарам животно да извърши едно или друго, без да съм го дресирал* (PERF) (БНК).

‘Я могу заставить животное делать то или иное, не дрессируя его’.

Ср. возможную трансформацию в уступительное придаточное: *Мога да накарам животно да извърши едно или друго, дори и да не съм го дресирал* ‘Я могу заставить животное делать то или иное, пусть даже я его не дрессировал’;

- (23) б. *Отпуснаха му специална стипендия, без да бе молил* (PPERF) *за това* (Л. Дилов, БНК)

‘Ему назначили специальную стипендию, хотя он и не просил об этом’;

– форма перфекта при отрицательной форме сказуемого главной части (24а), а также в контекстах снятого утверждения, например, в вопросе или при опровергающем императиве (24б), используется при выражении условного значения:

- (24) а. *Не мога да си тръгна, без да съм се сбогувал* (PERF).

‘Я не могу уйти, не попрощавшись’.

Ср. *Не мога да си тръгна, ако не съм се сбогувал*. ‘Я не могу уйти, если я не попрощался’.

- (24) б. *Но опитай се да идеш на премиера, без да си взел* (PERF) *предварително билет* (Б. Райнов) (пример из [Захаревич, Крылова, 1978, с. 51]).

‘Но попробуй сходить на премьеру, не купив билета предварительно’;

– перфект и плюсквамперфект регулярно встречаются при выражении семантики неудовлетворительного результата (25), см. и далее в 4.1.2. Обратим внимание, что прямой согласованности времен главной и зависимой предикаций при этом нет, ср. примеры, где перфектная форма в подчиненной предикации появляется и при гипотетическом действии в главной части (25а), и при нереализованном прошедшем действии (25б).

(25) а. *Онази вечер, когато чаках да се върнете, изведнаж си помислих, че ако не се върнете, така и ще си отидете* (FUT)
от живота ми, без да съм научила (PERF) *нещо за вас*
(Б. Райнов)

‘В тот вечер, когда я вас так ждала, мне вдруг пришло в голову, что если вы не вернетесь, то так и уйдете из моей жизни, не успев ничего о себе рассказать’ (пер. А. Собковича).

б. *Децата заспаха* (AOR), *без да са хапнали* (PERF) (С. Бъчварова).
‘Дети заснули, так и не поев’.

в. *След пет минути излязох* (AOR), *без да бях разбрал* (PPERF)
нищо дума от това, което бе казано (БНК).

‘Через пять минут я вышел, так и не поняв ни слова из того, что было сказано’.

При реализации семантики неудовлетворительного результата особенно частотна форма плюсквамперфекта (25в), наиболее эксплицитно подчеркивающая идею несбывшегося ожидания, см. также п. 4.1.2.1. Сказуемое в настоящем времени тоже фиксируется при выражении данного значения, но в таком случае указанное значение выводится лишь из контекста, без поддержки глагольной формы, см. пример (36) далее.

Итак, нейтрализация или переосмысление граммемы времени, а также специфическое использование граммемы результативности, по-видимому, обусловлено как воздействием отрицания как доминантной категории, так и модальностью компонента *да*. Требуется отдельного изучения вопрос о том, как (в каком соотношении) распределяются сферы воздействия этих двух компонентов. Показательно, что в синонимичных предложениях с союзом *като*, содержащих отрицание, но не включающих частицу *да*, правила употребления и соотношения времен соблюдаются значительно более последовательно, см. пример (7а) с союзом *като* и двумя предикатами в имперфекте, скоординированными по видо-временной форме, и пример (7б) с *без да* и презентной формой. В связи с этим встает вопрос, а не является ли присутствие *да* более значимым,

чем отрицание. Ответ на этот вопрос, который нуждается в специальном изучении, не может быть, однако, одноплановым, т.к. отрицательный характер болгарской конструкции с *без да* тесно связан со структурными и семантическими особенностями предложения *без* (см. в качестве примера наблюдения в п. 2), что определяет специфический характер отрицания, создаваемого союзом *без да* на фоне обычного предикатного отрицания, реализуемого частицей *не*.

4. Деепричастия и другие русские соответствия болгарским придаточным неосуществленного действия

Считается, что основные проблемы перевода предложений с союзом *без да* на русский язык затрагивают конструкции с субъектом, некорреферентным субъекту главного предложения (см. 4.2), в то время как конструкции с кореферентным субъектом в русском языке последовательно выражаются деепричастиями. В подразделе 4.1 мы покажем, однако, что при всем широком семантическом спектре русских деепричастий они не всегда и не безусловно могут выступать как переводческое соответствие придаточным с *без да*.

Далее мы остановимся прежде всего на наименее исследованных вопросах болгарско-русских параллелей, не рассматривая, например, такой эквивалент *без да*, как русский союз *без того, чтобы*. Впрочем, условия его употребления в русском языке тоже нуждаются в специальном анализе. Обратим внимание лишь на то, что наиболее регулярно он появляется при отрицательном сказуемом главной предикации: *Обычно, если кто-то садился за стол, дед не давал ему проглотить и куска без того, чтобы, угрюмо указывая глазами на тарелку едока, не процедить со значением: «Холестерин!»* (М. Палей), см. и перевод примера (4) в разделе 1.

4.1. Придаточные неосуществленного действия с субъектом, кореферентным субъекту главной части

По идее, широкий семантический спектр русских деепричастий совершенного и несовершенного вида¹ должен покрыть все потребности перевода болгарских придаточных с союзом *без да*. В частности, русские деепричастия часто выступают в качестве эквивалентов

¹ Русское деепричастие, как показано, например, в классической работе Т.Г. Акимовой, Н.А. Козинцевой, может иметь не только простое таксисное употребление («сопряженность второстепенного действия и основного»), но и обуславливающее значение в различных его вариантах: причина, цель, уступка, условие, следствие. И в том, и в другом случае отношения между действиями могут быть связаны и не связаны отношениями характеристики [Акимова, Козинцева, 1987].

болгарских конструкций с *без да* с уступительным и условным значением, см. богатый двуязычный материал в [Градинарова, 2014], там же и библиография. Такие параллели легко выстраиваются прежде всего при немаркированной форме болгарского сказуемого – презентной. В то же время, как видно из переводов в разделах 2 и 3, придаточные с союзом *без да* со сложными (результативными) временами, указывая на обуславливающую ситуацию, переводятся не только деепричастиями, но и уступительными или условными предикациями, например, (21), (22), (23б).

Имеется, однако, еще ряд специфических грамматических и семантических условий, препятствующих выстраиванию регулярных и однозначных параллелей между болгарскими конструкциями с *без да* и русскими деепричастиями. Далее мы рассмотрим два фактора (грамматического и семантического плана), затрудняющих прямой выбор русских деепричастий в качестве эквивалентов придаточных с *без да* с кореферентным субъектом:

1) специфика видовых различий в болгарском и русском языках и лексикализация оборотов с *без да*;

2) наличие предложений с союзом *без да* с прагматическим эффектом неудовлетворительного результата.

4.1.1. Видовые особенности и лексикализация придаточных с союзом *без да*

4.1.1.1. В наиболее простом, семантически неосложненном случае при выражении отсутствия **сопровождающего** действия эквивалентом конструкции «*без да* + PRES.IPFV» являются русские деепричастия несовершенного вида с отрицанием. Болгарское придаточное (и его русское соответствие) содержит сообщение о неосуществленном действии, которое, с точки зрения субъекта речи, при обычном положении вещей должно было бы протекать одновременно с действием в главной части (26а). Другой семантический вариант предполагает синхронное действию состояние (26б), в том числе связанное с отсутствием у субъекта намерений к действию (26в) или их неосознанностью:

(26) а. *Продължавам, без да променям* (PRES.IPFV) *скоростта, додето влизам в Монтьо* (Б. Райнов).

‘Еду дальше, не меняя скорости, и вот я в Монтре’
(пер. А. Собковича).

б. *Няколко дълги минути просто лежах в леглото, без да съм в състояние да стана на крак.*

‘Несколько долгих минут я просто лежал в постели, не будучи в состоянии встать на ноги’.

(26) в. *Веднаж – без да искам, разбира се – видях моя съученик да я презръща* (А. Гуляшки).

‘Однажды – разумеется, случайно (букв. без [того] чтобы я хотел) – я увидел, как мой одноклассник обнимал ее’
(пер. Л. Баш).

Такие придаточные, указывая на способ или характер совершения действия, выполняют функцию обстоятельств образа действия. Многие из них уже закрепились в качестве устойчивых лексических единиц с наречной функцией. Их функциональными эквивалентами регулярно выступают русские наречия образа действия или предложные группы с предлогом *без* (как правило, с «ситуационным» [Лютикова, 2010] существительным): *взех го, без да мисля* – я взял его не задумываясь, машинально; *направих го, без да искам* – я сделал это не желая того, неосознанно, без всякого намерения; *дояддох, без да бързам* – я доел не спеша, не торопясь, неспешно, без спешки; *хвърлям, без да протакам* – бросаю без промедления; *не рискуват, без да е необходимо* – они не рискуют без необходимости; *спеше, без да сънува* – спал он без сновидений.

Интересно, что конверсия деепричастных оборотов в русском языке [Ковальская, 2016] лишь в редких случаях (обычно при переходе русского деепричастия в предлог) препятствует выбору болгарской конструкции с *без да*. Ср. русские наречные лексемы с отрицательным компонентом, приводимые В.М. Ковальской [2016, с. 51], с их параллелями в виде конструкций с союзом *без да* в РБПК¹ (разумеется, в корпусе присутствуют и иные варианты перевода русских лексем): *нехотя – без да иска*; *не спроясь – без да иска разрешение*; *не торопясь – без да бързат*; *не спеша – без да бърза*.

В РБПК не зафиксирован, в качестве эквивалента русского наречия *немедля*, оборот *без да се бави*, который вполне мог бы быть употреблен в данном контексте:

(27) *Иессен немедля выехал из Порт-Артура* (В. Пикуль).

‘Йесен *незабавно* отпътува от Порт Артур’
(пер. Ю. Пеновой-Павловой).

Все это свидетельствует о значительной лексикализации болгарской модели при обозначении сопровождающего действия. Поэтому придаточные с союзом *без да* с обстоятельственным значением легко

¹ Поиск осуществлялся на сайте Национального корпуса русского языка, подкорпус параллельных текстов (болгарский). Глаголы в болгарской модели сохранены в форме вхождения.

вступают в сочинительные связи с обстоятельствами непредикатного статуса:

- (28) *Накрая ритуалите приключвали с изяждането на гъбите и то без подправки и без да се готвят* (И).

‘В конце концов ритуалы заканчивались съедением грибов, причем без приправ и сырыми (букв. без приправ и без [того] чтобы [их, грибы] готовить)’.

4.1.1.2. При выражении нереализованного в **прошлом** действия эквивалентом конструкции «*без да* + PRES.PFV» являются русские деепричастия совершенного вида:

- (29) *Станах* (AOR) и *като спял се запътих* (AOR) *към колата си – без да платя* (PRES.PFV), *без да се обадя* (PRES.PFV), *без да взема* (PRES.PFV) *багажа си* (П. Вежинов).

‘Я встал из-за стола и, как слепой, побрел к машине – не расплатившись, не сказав никому ни слова, не взяв вещей’ (пер. М. Тарасовой).

Предложная группа тоже может быть использована для перевода конструкций с *без да* с глаголами совершенного вида, если она способна передать значение неосуществленного в прошлом действия: *влязох, без да почукам* – я вошел без стука; *отминаха, без да спрат* – они проехали без остановки; *преотстъпи ѝ го, без да гъкне* – он уступил ей его без возражений (не проронив ни звука).

4.1.1.3. Основные случаи **видового несоответствия** между придаточными с союзом *без да* и русскими деепричастиями связаны с особенностями видовых систем болгарского и русского языков: имеющимся выбором между глаголом совершенного или несовершенного вида в русских деепричастиях как соответствие придаточным с *без да* с глаголом совершенного вида. Предпочтение болгарского языка к выбору совершенного вида при реализации некоторых грамматических значений (прежде всего императивных) уже давно обсуждается в лингвистической литературе, и предложения с союзом *без да* предоставляют в этом плане дополнительный материал.

В русских отрицательных деепричастиях видовое противопоставление отражает, по-видимому, общую особенность русских видовых пар в контексте отрицания: в то время как у глаголов несовершенного вида отрицание касается самого действия, отрицание при глаголах совершенного вида касается только результата, а такие фоновые компоненты, как намерение, ожидание, долженствование, остаются при отрицании

глагола совершенного вида неотрицаемыми [Падучева, 1996, с. 55–57; Падучева, 2008]. Поэтому при использовании деепричастия от глагола совершенного вида в парах ниже возникает значение ожидания или долженствования: *Проехали через поселок, не остановившись* (ожидаемое, но нереализованное действие ‘планировали останавливаться’); *Проехали через поселок, не останавливаясь* (о намерениях ничего не говорится); *Он прошел в комнату, не сняв ботинки* (ожидаемое, но нереализованное действие); *Он прошел в комнату, не снимая ботинок* (о намерениях ничего не говорится).

В болгарском языке в придаточных с союзом *без да* с презентной формой глагола такой семантический эффект видового различия отсутствует. Глаголы совершенного вида используются для указания на неосуществленное действие безотносительно к идее его запланированности. Совершенный вид глагола отражает лишь прошедший временной характер действия (действие не было осуществлено).

Таким образом, русским предложениям с деепричастиями несовершенного вида, сообщающим о прошедшем нереализованном действии (*проехали, не останавливаясь*), в болгарском языке соответствуют предложения с союзом *без да* с глаголом совершенного вида в форме настоящего времени (*отминаха, без да спрат*).

Ср. глаголы совершенного вида в болгарском оригинале и несовершенного – в русском переводе:

(30) а. *Отминаха го [Калофер], без да спрат* (PRES.PFV) (П. Вежинов).

‘Калофер они проехали, не останавливаясь’
(пер. Л. Лихачевой).

б. *Налива, без да изчака* (PRES.PFV) *отговора ми* (А. Мелконян).

‘Не дожидаясь ответа, он наполняет мой бокал’
(пер. И. Крыжановского).

В устойчивых обстоятельственных оборотах болгарского и русского языков активно происходит закрепление указанных видовых различий, ср. совершенный вид в болгарском и несовершенный – в русском языке: *без да кажат нито дума* – не говоря ни слова; *без да му обърне внимание* – не обращая на него внимания; *без да мигне* – не моргая; *без да мръдне* – не шевелясь; *без да погледне* – (даже) не глядя.

Встает вопрос, чем можно выразить в болгарском придаточном с *без да* идею ожидаемого, но нереализовавшегося действия. Как представляется, помимо лексических средств, это как раз те формы, которые были рассмотрены в их переосмыслениях в подразделе 3 – это перфект и плюсквамперфект, ср.: *излезе, без да разбере* (PRES) *нещо* – она вышла, ничего

не поняв (о намерениях ничего не говорится); *излезе, без да е разбрала* (PERF) *нещо* – она вышла, так ничего и не поняв (ожидаемое, но нереализованное действие: скорее всего, планировала понять, но это не удалось).

О предложениях подобного типа и будет идти речь в следующем подразделе.

4.1.2. Придаточное с союзом *без да* со значением неудовлетворительного результата

4.1.2.1. В целом можно утверждать, что все придаточные с *без да* являются конструкциями непривычного положения вещей, поскольку они вводят действие, которое представляется субъекту речи отступлением от нормального хода событий. Это обычный прагматический эффект, свойственный отрицательным предложениям: произнося отрицательное высказывание, говорящий фиксирует то или иное отклонение от ожидаемого, поскольку одновременно имеет в виду и «позитивный ход событий» [Givón, 1978, с. 87].

Говорящий, считая более естественным позитивное положение дел, фиксирует в предложении с *без да* те или иные отклонения от него, например:

– отклонение от нормы в предписанных правилах общественного поведения:

(31) *Напълно – отвърна Урумов и затвори слушалката, без да каже довиждане* (П. Вежинов).

‘Вполне, – ответил Урумов и, не попрощавшись, положил трубку’ (пер. Л. Лихачевой);

– отклонение от привычной связи событий или отклонение от обычной обусловленности двух ситуаций:

(32) *Да обиколим от другата страна – предлагам, без да го слушам* (Б. Райнов).

‘Обойдем здание с этой стороны, – предлагаю я, не слушая его’ (пер. А. Собковича);

– изменение положения дел как возвращение в норму после периода, когда норма была нарушена и привычным было как раз ненормативное положение дел:

(33) *Сега можеше отново да ходи, където си иска, и да прави, каквото си иска, без да се страхува от нищо* (П. Вежинов).

‘Теперь он опять мог ходить, куда хочет, и делать, что хочет, ничего не опасаясь’ (пер. Л. Лихачевой).

Это отсутствие действия как некое отступление от привычного является регулярным семантическим эффектом отрицательного предложения.

Но есть и особая группа употреблений, где несоответствие ожидаемому оценивается субъектом речи как значительное (назовем их «**конструкциями неудовлетворительного результата**»), и такое отступление от нормы должно получать отражение при переводе.

Основная масса предложений этой группы отражает несбывшееся ожидание субъекта речи по отношению к прошедшему действию и может быть описана следующим образом: ‘Р без Q реализовано так, что оно не имеет должного результата / результат не удовлетворяет субъекта речи и действия’. Для того чтобы отразить в переводе эту оценку говорящего, использования деепричастий совершенного вида недостаточно и требуется включение оборота *так и не*, имеющего закрепленную семантику по отношению к «характеру ожиданий говорящего относительно ситуации в момент t_0 »: «...ситуация, не начавшись к t_0 , скорее всего, уже не будет иметь места и в будущем» [Плунгян, 2011, с. 420]:

- (34) *На другия ден той пак преброди планината и пак се върна, без да беше видял нещо* (Й. Йовков, БНК).

‘На следующий день он опять ходил по горам и снова вернулся, так ничего и не увидев’.

- (35) *След пет минути излязох, без да бях разбрал нито дума от това, което бе казано* (БНК).

‘Через пять минут я вышел, так и не поняв ни слова из того, что было сказано’.

Ср. также пример из РБПК, где, однако, в болгарском переводе представлена форма настоящего времени, таким образом, значение неудовлетворительного результата в болгарском языке остается грамматически невыраженным:

- (36) *Так и не придя к определенному выводу, я покинула ванную* (Т. Полякова).

‘Напуснах банята, без да стигна (PRES) до определен извод’ (пер. И. Митевой).

Обратим внимание на следующий показательный пример неудачного перевода с болгарского на русский язык, где при включении оборота *так и не* русское предложение получает неверное прочтение, будто целью Кресты было запоминание маршрута и эта цель не была достигнута, хотя семантика болгарского предложения с *без да* указывает лишь на растерянное состояние Кресты:

(37) *Криста се върна у дома си, без да разбере по какви улици е минала* (П. Вежинов).

‘Криста вернулась домой, *так и не поняв*, по каким улицам она бежала’ (пер. Л. Лихачевой).

Ср. правильное: ‘Криста вернулась домой, *даже не заметив*, по каким улицам она бежала’.

4.1.2.2. Во всех примерах выше шла речь о контрфактическом действии. Но в предложениях с семантикой неудовлетворительного результата речь может идти о предполагаемом действии: ‘говорящий опасается, что действие Р завершится неудачно без Q’. Конструкция с *так и не* здесь значительно ограничена в употреблении, поскольку семантика обманутого ожидания больше координируется с нереализованным действием, хотя может быть использована, чтобы подчеркнуть пессимистический прогноз субъекта речи; в болгарском языке эту семантику в примере (38) помогает выразить форма перфекта:

(38) *Че ще умре, без да е изпитал (PERF) страстта на любовта, бил най-големият му страх* (И).

‘То, что он умрет, *так и не* испытал любовную страсть, было самым большим его страхом’.

Для конструкций, где ожидания говорящего еще сохраняются, чаще употребляются другие средства, чтобы отразить нежелательность результата, ср. переводы из БРПК и РБПК:

(39) *Ако пуснете някой невежа из тия помещения, той може да загуби два дни, без да намери нищо* (Б. Райнов).

‘Если вы пустите в это помещение какого-нибудь невежу, он убьет два дня и ничего не найдет’ (пер. А. Собковича).

(40) *...Порфирий Петрович пребывал в опасении, что свидетельница померт, не успев ничего рассказать* (Б. Акунин)

‘...[Порфирий Петрович] пребываваше в опасение, *че* свидетельката може да умре, без нищо да разкаже’ (пер. С. Бранц).

4.2. Придаточные неосуществленного действия с субъектом, некореферентным субъекту главной части

Поскольку для деепричастия существует требование кореферентности основной и зависимой предикации, оно не может служить русским эквивалентом предложений неосуществленного действия с разными субъектами.

Подлежащее придаточной части с союзом *без да* даже в случае неко-референтности субъектов главной и зависимой частей обычно имплицитное, как в примере (41а), но может быть и эксплицитным (41б):

(41) а. *Разбирах те, без да говориш* (И).

‘[Я] понимала тебя без слов (букв. без [того] чтобы [ты] говорил)’.

б. *Той беше желан гост в компаниите, търсеха го, с него можеше да се седи до среднощ, без да се усещат часовете* (А. Гуляшки)

‘Аввакум был желанным гостем в любой компании, его общества искали, с ним можно было засидеться за полночь и не заметить, как пролетело время (букв. засидеться за полночь, без [того] чтобы ощущать время)’ (пер. Л. Баш).

Разносубъектные предложения с *без да* выражают те или иные оттенки уступительно-противопоставительного смысла. Наиболее часто зависимая клауза имеет уступительный оттенок значения. Этот семантический вариант обычно переводится на русский язык уступительными предложениями, как в (42а). Близки к ним конструкции со значением соотносительности двух ситуаций (42б), для перевода которых обычно выбираются составные союзы с сопоставительным значением:

(42) а. *Тя остана да живее при мен, без да сме говорили за това* (П. Вежинов).

‘Она осталась жить у меня, *хотя* мы не сговаривались об этом’ (пер. М. Тарасовой).

б. *...От прозореца в кухнята можеше да се наблюдава, без другите да те виждат* (Т. Динова, БНК).

‘Из окна кухни возможно было наблюдать, *при том что* / *в то время как* другие тебя не видят’.

При сопоставлении двух ситуаций, раскоординированных между собой, возникают противопоставительные отношения¹. Именно по поводу таких употреблений Р. Ницолова говорит об «отсутствии обусловленности одного [действия] другим» либо отсутствию «какой-л. реакции

¹ Противопоставительные отношения иногда встречаются при кореферентном субъекте зависимой предикации: *Ходи на море, без да се пече* ‘Ходит / Ездит на море, а не загорает’ (пример Т. Шамрай [1981], где она анализирует этот тип предложений в другом аспекте, обращая внимание на важнейшее условие реализации данного значения – постпозицию придаточного). Но значение раскоординированности при едином субъекте не возникает.

субъекта по отношению к действию в главной части» [ГСБКЕ, 1983, с. 365]. Поскольку отсутствие обусловленности нарушает привычные связи событий и ожидания говорящего, отношения между предикациями толкуются как противопоставительные. Иначе говоря, в таких предложениях подчеркивается отсутствие взаимодействия, связанное с раскоординированностью ситуаций. Этим объясняется преимущественное использование в переводе на русский язык адверсативных конструкций с частицей *даже*, указывающей на неожиданное развитие событий (43а), либо предикация с *без да* заменяется наречной лексемой, как в (43б):

(43) а. *Те си отидоха, без аз да разбера.*

‘Они ушли, а я даже и не понял’.

б. *Промъкнал се беше, без да го усетя* (БНК).

‘Он пробрался незаметно для меня’

(‘а я даже не почувствовал’).

Ср. также в (41б) введение переводчиком дополнительного предиката с отрицанием (*не заметить*), сочиненного с матричным предикатом и вводящего зависимую часть комплетивного типа.

Наибольшие грамматические сложности возникают при переводе сочиненных предложений с *без да*, каждое из которых имеет своего субъекта, ср. пример из [Лашкова, 1973], где субъект первого придаточного кореферентен грамматическому субъекту главной части, в отличие от субъекта второго придаточного: *Излезе Ø_i, без Ø_i да отговори нещо и без да го_i види някой_j*. ‘Он вышел, ничего не ответив и незаметно для других (букв. без [того] чтобы ответить что-то и без [того] чтобы его увидел кто-то)’.

5. Выводы и перспективы исследования предложений неосуществленного действия

1. Основные специфические характеристики предложений с союзом *без да* определяются отрицательным (*без*) и нефактивным (*да*) компонентами данного союза. Помимо известных грамматических особенностей данных предложений (временные ограничения на сказуемое, допустимость дистанционного расположения элементов союза, возможность некорреферентности субъекта и общеотрицательный характер зависимой предикации), эти компоненты оказывают влияние и на семантический потенциал данной конструкции. Так, предложения с *без да*, в отличие от синонимических конструкций с *като* (а также деепричастий) с отрицанием, не способны вступать в отношения

логического вывода с основной предикацией, а именно обозначать события-причины и ситуации, подвергаемые интерпретации. Такой запрет обусловлен, скорее всего, влиянием предлога *без*, предназначенного для введения актантных компонентов.

2. В конструкциях с союзом *без да* проявляются свойства отрицания как доминантной категории, которая оказывает влияние на нейтрализацию или реинтерпретацию категорий вида, времени, результативности как рецессивных. Переосмысление грамем глагольных категорий в рассматриваемой конструкции обусловлено также и модальностью компонента *да*, сужающей набор времен в подчиненной предикации. Кумулятивный эффект нефактивных компонентов способствует своеобразному распределению значений видо-временных форм и выражению дополнительных смысловых оттенков при их употреблении.

3. Выбор грамматических и функциональных соответствий предложениям с союзом *без да* в русском языке зависит от ряда семантических и грамматических факторов:

- а) реализуется ли семантика противопоставления или уступительное значение;
- б) являются ли субъекты кореферентными или нет;
- в) имеется ли отрицание при сказуемом главной части;
- г) лексикализировано ли данное выражение;
- д) имеются ли расхождения в употреблении видовых пар при отрицании в болгарском и русском языках.

Все предложения с *без да* содержат семантический компонент 'несоответствие ожиданиям субъекта речи'. При переводе придаточных с *без да* нужно учитывать тот факт, что ожидания субъекта речи могут быть значительно нарушены, и это значение требуется выражать в русском языке специальными оборотами.

Дальнейшее исследование болгарско-русских способов выражения неосуществленного действия должно включать анализ всех функционально близких конструкций в обоих языках, прежде всего возможности болгарских деепричастий (пусть и ограниченных, по сравнению с русскими, грамматически и стилистически) и отрицательных предложений с союзом *като*.

4. Предложения неосуществленного действия могут быть интересны в типологическом аспекте тем, что они представляют собой особые синтаксические формы выражения важных грамматических значений – кунктативного и комитативного.

Придаточные с союзом *без да* выражают **кунктативное** значение (ожидаемое, но не совершающееся / не совершенное действие), являющееся вариантом фазового значения [Плунгян, 2011, с. 419–420]

с частотными модальными коннотациями. *Так и не и еще не* иллюстрируют две основные семантические интерпретации кунктативного значения, содержащие общий компонент несоответствия ожиданиям субъекта речи [Плунгян, 2011, с. 419–420].

Придаточные с союзом *без да* являются конструкциями с **комитативным** значением (значением совместности), обозначая действие, происходящее одновременно с некоторым другим действием и выполняющее формально вспомогательную по отношению к нему роль. Ср. определение комитативного способа действия Т.В. Майсака: «‘субъект совершает действие, имея в качестве основной цели другое действие’ (‘по дороге’, ‘попутно’, ‘заодно’)» [Майсак, 2002, с. 133].

Библиографический список / References

Акимова, Козинцева, 1987 – Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Аспектуально-таксисные ситуации. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Ленинград, 1987. С. 257–273. [Akimova T.G., Kozintseva N.A. Aspectual-and-taxis situations. Dependent taxis (on the material of converb constructions). *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. A.V. Bondarko (ed.). Leningrad, 1987. Pp. 257–273.]

Апресян, 1997 – Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря синонимов // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Под общ. ред. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997. С. XVI–XXXIV. [Apresyan Yu.D. Linguistic terminology of a dictionary of synonyms. *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Vol. 1. Yu.D. Apresyan (ed.). Moscow, 1997. Pp. XVI–XXXIV.]

Апресян, 2004 – Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 5–22. [Apresyan Yu.D. Interpretative verbs: Semantic structure and properties. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. № 1. Pp. 5–22.]

Асенова, 1980 – Асенова П. За балканския характер на сложния съюз *без да* в българския език // Езиковедски проучвания в чест на акад. В.И. Георгиев. София, 1980. С. 176–179. [Asenova P. On the Balkanic nature of the complex conjunction *bez da* in Bulgarian. *Ezikovedski prouchvaniya v chest na akad. V.I. Georgiev*. Sofia, 1980. Pp. 176–179.]

Асенова, 2002 – Асенова П. Балканско езикознание. София, 2002. [Asenova P. *Balkansko ezikoznanie* [Balkanic linguistics]. Sofia, 2002.]

Васева, 1970 – Васева И. Перевод русских деепричастий на болгарский язык // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. 1970. Т. LXIII. Кн. 2. С. 227–286. [Vaseva I. Translation of Russian adverbial participles into Bulgarian. *Godishnik na Sofiiskiya universitet. Fakultet po slavyanski filologii*. 1970. Vol. LXIII. Issue 2. Pp. 227–286.]

Герасимова, 2015 – Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология

морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции «ТМП 2015». Вып. 2 / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61. [Gerasimova A.A. Licensing negative pronouns in Russian infinitives. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP 2015»*. Vol. 2. E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko (ed.). Moscow, 2015. Pp. 47–61.]

Градинарова, 2014 – Градинарова А.А. Деепричастный оборот в болгарском языке на фоне русского // *Acta Linguistica*. 2014. Vol. 8. No. 1. С. 64–95. [Gradinarova A.A. Adverbial participle constructions in Bulgarian in contrast with Russian. *Acta Linguistica*. 2014. Vol. 8. № 1. Pp. 64–95.]

ГСБЕ, 1991 – Граматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис / Гл. ред. И. Дуриданов; Ред. кол. Е. Дограмаджиева, А. Минчева. София, 1991. [Gramatika na starob"lgarskiya ezik. Fonetika. Morfologiya. Sintaksis. [Grammar of Old Bulgarian. Phonetics. Morphology. Syntax]. I. Duridanov (ed.-in-chief), E. Dogramadzhieva, A. Mincheva (eds.). Sofia, 1991.]

ГСБКЕ, 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983. [Gramatika na s"vremenniya b"lgarski knizhoven ezik. T. 3. Sintaksis [Grammar of modern written Bulgarian. Vol. 3. Syntax]. Sofia, 1983.]

Гугуланова, 2005 – Гугуланова И. Българските причастия и деепричастия в славянски контекст. София, 2005. [Gugulanova I. B"lgarskite prichastiya i deerprichastiya v slavyanski kontekst [Bulgarian participles and adverbial participles in the Slavic context]. Sofia, 2005.]

Дограмаджиева, 1984 – Дограмаджиева Е. Обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984. [Dogramadzhieva E. Obstoyatelstvenite izrecheniya v knizhovniya starob"lgarski ezik [Adverbial clauses in written Old Bulgarian]. Sofia, 1984.]

Захаревич, Крылова, 1978 – Захаревич Е.А., Крылова Г.В. Синтаксис болгарского языка: Сложные предложения. Л., 1978. [Zakharevich E.A., Krylova G.V. Sintaksis bolgarskogo yazyka: Slozhnye predlozheniya [The syntax of Bulgarian: Complex sentences]. Leningrad, 1978.]

Иванова, Градинарова, 2015 – Иванова Е.Ю., Градинарова А.А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М., 2015. [Ivanova E.Yu., Gradinarova A.A. Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo [The syntactic system of Bulgarian as contrasted with Russian]. Moscow, 2015.]

Ковальская, 2016 – Ковальская В.М. Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия // *Rhema. Рема*. 2016. № 4. С. 43–57. [Koval'skaya V.M. Parameters of derivational conversion and Russian adverbial participles. *Rhema*. 2016. № 4. Pp. 43–57.]

Корнакова, Лютикова, Гращенков, 2016 – Корнакова Е.В., Лютикова Е.А., Гращенков П.В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке // *Rhema. Рема*. 2016. № 4. С. 58–82. [Kornakova E.V., Lyutikova E.A., Grashchenkov P.V. Licensing properties of Russian negation. *Rhema*. 2016. № 4. Pp. 58–82.]

Ласкова, 2009 – Ласкова Л. Имперфект и плусquamперфект в подчинении *да*-изречения след глаголи за възприятие // *Български език*. 2009. Приложение. С. 169–185. [Laskova L. Imperfect and pluperfect in the subordinate *da* clauses following the verbs of perception. *B"lgarski ezik*. 2009. Supplement. Pp. 169–185.]

Лашкова, 1973 – Лашкова Л. За развоја на една отрицателна конструкция в български език // *Български език*. 1973. Кн. 1–2. С. 74–82. [Lashkova L.

On the development of one negative construction in Bulgarian. *B"lgarski ezik*. 1973. Issue 1–2. Pp. 74–82.]

Лютикова, 2010 – Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 36–76. [Lyutikova E.A. Towards the question of categorial status of noun groups in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2010. № 6. Pp. 36–76.]

Майсак, 2002 – Майсак Т.В. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. [Maisak T.V. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktсии s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Grammaticalization paths of motion and posture verbs: a typology]. PhD diss. Moscow, 2002.]

Маслов, 1981 – Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981. [Maslov Yu.S. Grammatika bolgarskogo yazyka [The grammar of Bulgarian]. Moscow, 1981.]

Ницолова, 2004 – Ницолова Р. Уступительные конструкции в болгарском языке // Типология уступительных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб., 2004. С. 95–136. [Nitsolova R. Constructions of concession in Bulgarian. *Tipologiya ustupitel'nykh konstruktсии*. V.S. Khrakovskii (ed.). St. Petersburg, 2004. Pp. 95–136.]

Осенова, 1999 – Осенова П. Семантика и функциониране на неопределителните местоимения в българския език: Дис. за получаване на научната и образователна степен «доктор». София, 1999. [Osenova P. Semantika i funktsioniranane na neopredelitelnite mestoimeniya v b"lgarskiya ezik. [Semantics and functioning of indefinite pronouns in Bulgarian]. PhD diss. Sofia, 1999.]

Падучева, 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. [Paducheva E.V. Semanticheski issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic Studies: Tense and Aspect Semantics in Russian. The semantics of narrative]. Moscow, 1996.]

Падучева, 2008 – Падучева Е.В. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 3–21. [Paducheva E.V. The imperfective of negation in Russian. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2008. № 3. Pp. 3–21.]

Падучева, 2013 – Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. [Paducheva E.V. Russkoe otritsatel'noe predlozhenie [Negative sentence in Russian]. Moscow, 2013.]

Петрова, 2015 – Петрова Г. Сложни изречения с *da*-комплемент за изразяване на контрахипотетичност // Да (пре)откриваш думите: Юбилеен сборник, посветен на проф. д.ф.н. Вера Маровска. Пловдив, 2015. С. 77–84. [Petrova G. Complex sentences with the *da* complement expressing counter-hypotheticality. *Da (pre)otkrivash dumite: Yubileen sbornik, posveten na prof. d.f.n. Vera Marovska*. Plovdiv, 2015. Pp. 77–84.]

Плунгян, 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. [Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow, 2011.]

Субјунктив, 2015 – Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник: акад. З. Тополињска. Скопје, 2015. [Subjunktiv so poseben osvrt na makedonskite *da*-konstruktsii [Subjunctive with special focus on Macedonian *da*-constructions]. Z. Topolińska (ed.). Skopje, 2015.]

Тополињска, 2008 – Тополињска З. Полски – Македонски: Граматичка конфронтација. 8: Развоток на граматичките категории. Скопје, 2008. [Topolińska Z. Polski – Makedonski: Gramatichka konfrontatsija. 8: Razvitok na gramatichkite kategorii [Polish vs Macedonian: Grammatical confrontation. 8. The development of grammatical categories]. Skopje, 2008.]

Фридман, 2011 – Фридман В. Типологијата на употребата на *да* во балканските јазици // В.А. Фридман. Македонистички студии. Скопје, 2011. [Fridman V. Typology of the usage of *da* in Balkanic languages. V.A. Fridman. Makedonistichki studii. Skopje, 2011.]

Храковский, 1990 – Храковский В.С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18–36. [Khakovskii V.S. The interaction of grammatical categories of verb (An attempt at analysis). Voprosy yazykoznaniya. 1990. № 5. Pp. 18–36.]

Храковский, Мальчуков, 2016 – Храковский В.С., Мальчуков А.Л. Взаимодействие и иерархия грамматических категорий глагола: введение в тему и типологическая анкета // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 51–83. [Khakovskii V.S., Mal'chukov A.L. The interaction and hierarchy of grammatical categories of verb: Introduction into the subject and a typological questionnaire. Voprosy yazykoznaniya. 2016. № 6. Pp. 51–83.]

Шамрай, 1981 – Шамрай Т. Относно семантичната интерпретација на изреченијата с предлога *без* и съюза *без да* // Български език. 1981. № 2. С. 154–156. [Shamrai T. In reference to the semantic interpretation of sentences with the preposition *bez* and conjunction *bez da*. B'Ilgarski ezik. 1981. № 2. Pp. 154–156.]

Aikhenvald, Dixon, 1998 – Aikhenvald A.Yu., Dixon R.M.W. Dependencies between grammatical systems. *Language*. 1998. Vol. 74. № 1. Pp. 56–80.

Givón, 1978 – Givón T. Negation in language: pragmatics, function, ontology. *Syntax and semantics. Volume 9: Pragmatics*. P. Cole (ed.). New York, 1978. Pp. 69–112.

Kazazis, 1968 – Kazazis K. On a Generative Grammar of the Balkan Languages. *Actes du Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes*. VI. I. Gălăbov, V. Georgiev, J. Zaimov (eds.). Sofia, 1968. Pp. 823–828.

Malchukov, 2011 – Malchukov A.L. Interaction of verbal categories: Resolution of infelicitous grammeme combinations. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. № 1. Pp. 229–282.

Статья поступила в редакцию 14.05.2017

The article was received on 14.05.2017

Иванова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры славянской филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Ivanova Elena Yu. – Dr. Phil. Hab.; Professor of Department of Slavic Studies of Faculty of Philology, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: eli2403@yandex.ru

С.М. Калинин

Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина,
620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация

Обзор современных подходов к улучшению точности нейронного машинного перевода

В данной статье дается обзор актуальных подходов к решению проблемы по улучшению точности нейронного машинного перевода. Кроме того, приводится классификация данных подходов по двум большим группам: структурные и лингвистические. Также статья освещает наиболее общие проблемы систем нейронного машинного перевода. Эффективность обозреваемых в статье методов оценивается на основании метрики BLEU. Окончательные выводы по оценке эффективности данных методов приведены в заключительной части статьи.

Ключевые слова: машинный перевод, нейронный машинный перевод, нейронные сети, метрика BLEU.

S.M. Kalinin

Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg 620002, Russian Federation

Review of current approaches to the improvement of accuracy of neural machine translation

This article reviews topical approaches dealing with the problem of accuracy of neural machine translation. Classification of these approaches is provided in two groups: structural and linguistic. Moreover, the article sheds light on the most common problems of systems with neural machine translation. Effectiveness of the methods reviewed in this article is assessed based on BLEU metrics. Conclusions about the assessment of effectiveness of these methods are given in the closing part of the article.

Key words: machine translation, neural machine translation, neural networks, BLEU metrics.

Нейронный машинный перевод (НМП) – это относительно новый подход к решению проблемы машинного перевода, получивший широкое распространение в последние годы. Функционирование данного подхода основано на использовании нейронных сетей, вычислительных моделей, по своей структуре напоминающих строение человеческого мозга, в которых сигнал распространяется через последовательные слои элементов, имитирующих нейроны. Основное преимущество данных систем, в особенности важное для машинного перевода, – это возможность самообучения.

На сегодняшний день большинство систем НМП имеют более или менее схожую архитектуру: кодер, декодер и механизм отслеживания (*attention mechanism*). На стороне предложения-источника (*source sentence*) кодер преобразует каждое отдельное слово в контекстный вектор, который, в свою очередь, декодер превращает в слово целевого предложения (*target sentence*). Механизм отслеживания позволяет системе фокусироваться на отдельных частях предложения-источника и контролировать точность перевода.

Кодер и декодер могут состоять из произвольного числа слоев, но на сегодняшний день они чаще всего выполняются в виде нескольких слоев долгой краткосрочной памяти (*long short-term memory*), одного из типов рекуррентных нейронных сетей (РНС). В системах данного типа значения с выхода каждого элемента одного слоя подаются на вход соответствующего элемента последующего слоя. Данное решение позволяет осуществлять несколько параллельных вычислений контекстных векторов как на стороне предложения-источника, так и на стороне целевого предложения, что, в свою очередь, повышает точность и скорость работы системы.

Основная причина, по которой системы НМП не получали широкого распространения до недавнего времени, – это относительно низкие показатели точности перевода в сравнении с самыми совершенными системами статистического машинного перевода (СМП). Это было обусловлено определенными недостатками, общими для всех систем НМП.

По большей части эти недостатки определялись архитектурой нейронных сетей, используемых в данных системах. К примеру, одна из наиболее общих проблем, на которую ссылаются исследователи [He, Wu, Wang, 2016, p. 151; Luong, 2016, p. 1; Wu et al., 2016, p. 2], – это неспособность к переводу редко встречающихся слов. Данная

проблема обусловлена тем, что системы НМП отбирают только n -е количество самых частотных слов из корпусов текстов, опуская при этом менее частотные. Иногда это может вызывать пропуски в переведенном тексте. Невозможность включения в словарь системы всех возможных переводов конкретного слова продиктована необходимостью излишне не усложнять систему.

Второй ключевой недостаток – это относительно низкая скорость самообучения данных систем, особенно при работе с большими объемами корпусов текстов [Wu et al., 2016, p. 2; Zhou et al., 2016, p. 372]. Данная особенность, в основном, обуславливается ограничениями, существующими на уровне аппаратного обеспечения.

Но во многом благодаря структурным и лингвистическим решениям, предлагаемым исследователями, НМП становится все более приоритетным направлением, о чем свидетельствует большое количество научных статей и работ, опубликованных за последнее время.

В данной статье автор делает обзор и приводит классификацию наиболее актуальных подходов к решению данных проблем, существующих на сегодняшний день. Помимо этого, автор ставит перед собой задачу произвести сравнение представленных в статье систем на основе методики BLEU. Данная методика используется для оценки того, насколько машинный перевод соответствует эталонному переводу, выполненному человеком-переводчиком. Для этой цели используются специально подготовленные параллельные корпуса текстов. BLEU работает с n -граммами и рассчитывает количество слов из оцениваемого перевода, встречающихся в переводе-эталоне [Papineni et al., 2002, с. 312]. Несмотря на то, что репрезентативность данной методики ставится некоторыми исследователями под сомнение [Wu et al., 2016, с. 8], она все еще остается наиболее распространенной системой для оценки качества машинного перевода и применяется в большинстве исследований по этой тематике. Поэтому ее использование в данной работе представляется целесообразным. В целях большей репрезентативности исследования все представленные в нем методы будут оцениваться на основании относительного улучшения значения метрики BLEU в сравнении с лучшими результатами фразовых СМП.

Ключевые недостатки систем НМП обусловлены особенностями архитектуры нейронных сетей и являются общими для всех систем этого типа. Вследствие этого подавляющее большинство работ по данной тематике так или иначе посвящены методам преодоления недостатков.

Все многообразие предлагаемых исследователями подходов можно разделить на две большие группы. Первый из этих подходов связан со структурными особенностями системы нейронных сетей, второй – с лингвистическими.

1. Структурные методы

Возможные улучшения архитектуры данных систем могут быть связаны с изменениями следующих параметров системы: изменение количества слоев и их взаимного расположения в РНС, изменение топологии связей узлов нейронных сетей и изменения в механизме отслеживания.

1.1. Изменение количества слоев и их взаимного расположения в рекуррентных нейронных сетях

Известно, что более «глубокие» (имеющие больше слоев) нейронных сети имеют лучшие показатели по точности перевода [Wu et al., 2016, p. 5; Zhou et al., 2016, p. 372]. Однако изменение данного параметра очень сильно влияет на скорость работы системы. Как указывают исследователи, обычно лучшие показатели имеют системы с 4 слоями РНС [Wu et al., 2016, с. 5]. При этом наибольшее влияние на улучшение данного параметра может оказать изменение в структуре связей между отдельными узлами нейронных сетей. Используя остаточные связи (*residual connections*) между слоями для сообщения информации о значении на входе предыдущего слоя и обеспечения более быстрого распространения градиента [Там же], исследователи смогли спроектировать рабочую систему с 8 слоями РНС. Первые два слоя кодера при этом являлись двунаправленными. Данная методика позволила увечить показатель BLEU данной системы на 3,9 единицы для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2014.

1.2. Изменения в топологии связей между узлами нейронных сетей

Как указывалось выше, изменения в топологии связей в нейронных сетях напрямую влияют на общую скорость работы системы. При этом основной параметр, которому уделяется большое внимание, – это величина градиента.

Из-за наличия множества нелинейных функций активации и рекуррентных вычислений в РНС значения градиента становятся небольшими и нестабильными. Множество различных путей решения данной проблемы предлагались в последнее время [Zhou et al., 2016, p. 372], но в данной статье мы остановимся на одном достаточно интересном подходе, предложенном по отдельности двумя группами исследователей.

В первом случае данная модель получила название остаточных связей, во втором – быстрых кратчайших связей (*fast-forward connections*). В обоих случаях на вход каждого последующего слоя РНС поступала информация о текущем скрытом состоянии системы и совокупности векторов, обозначающих отдельные единицы предложения.

Вследствие отличия архитектурных решений показатели двух данных систем значительно разнятся. Увеличение значения BLEU для первой из них составляет 1,95 единицы, для второй – 0,7. Приведенные значения даны для языковой пары «английский – французский» на выборке newstest2014.

1.3. Изменения в механизме отслеживания

Механизм отслеживания используется в системах НМП для определения соответствия между оригинальным словом и его переводом. На сегодняшний день данный модуль включается почти в каждую систему НМП. Вследствие очевидной важности данного модуля для осуществления максимально точного перевода, рядом исследователей были предложены различные подходы к его реализации.

Одним из них является подход с совместным обучением двунаправленного механизма отслеживания [Cheng et al., 2016]. Основная идея данного подхода – составить матрицы соответствия слов для двух направлений перевода: когда предложение-источник переводится в целевое предложение, и когда целевое предложение переводится в предложение-источник. Обучение данных систем осуществляется на одних и тех же корпусах текстов, после чего данные матрицы взаимодополняют друг друга. Для языковой пары «английский – французский» на выборке newstest2014 увеличение показателя BLEU составило 1 единицу.

Еще два подхода были предложены М. Люонгом, Х. Фамом и К. Мэннингом [Luong, Pham, Manning, 2015].

Первый из них, получивший название «глобальный механизм отслеживания», принимает во внимание все скрытые состояния кодера при составлении контекстного вектора. Несмотря на возможность получения более полной информации о возможном переводе, данная модель имеет один явный недостаток – принятие во внимание всех слов предложения оригинала для каждого слова целевого предложения является очень затратным в плане мощности при работе с длинными предложениями или текстами.

Второй подход, названный «локальным», является компромиссом между предлагавшимися ранее моделями «мягкого» и «жесткого» механизма отслеживания. Комбинирование обеих моделей приводит к лучшему увеличению показателей BLEU, которое составляет 2,3 для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2014.

2. Лингвистические методы

Совершенно другим подходом к улучшению машинного перевода является подход с использованием лингвистических знаний. И здесь целесообразно произвести классификацию существующих подходов по грамматическим уровням языка.

2.1. Фонемный уровень

Проведение анализа на фонемном уровне позволяет решить одну из ключевых проблем НМП – проблему с переводом не самых частотных слов. Гибридная слово-символьная модель в основном осуществляет перевод на уровне слов и, в случае если встречается слово, отсутствующее в словаре системы после процесса обучения, производит анализ этого слова на фонемном уровне [Luong, Manning, 2016]. Перевод данных слов осуществляется на этапе постобработки. Основные преимущества данной системы состоят в том, что, во-первых, она позволяет сократить объем словаря системы за счет учета словообразовательных форм одного и того же слова, а, во-вторых, облегчает транслитерацию имен собственных. В метрике BLEU использование данного метода приводит к улучшению показателей на 1,8 для языковой пары «английский – чешский» на выборке newstest2015.

2.2. Морфемный уровень

На морфемном уровне основным методом, который используют исследователи, является лемматизация [Sennrich, Haddow, 2016b]. И здесь, в отличие от слово-символьных моделей, возможно распознавание значительно различающихся словоформ. При этом нейронные модели понимают, что флексивные модели семантически взаимосвязаны и представляют их как одни и те же точки в векторном пространстве. Использование данного метода приводит к улучшению метрики BLEU на 0,1 для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2015.

2.3. Лексический уровень

На лексическом уровне, помимо очевидных основных функций по переводу слов и фраз, исследователи также задействуют ряд дополнительных методов, позволяющих улучшить качество перевода.

Одним из таких методов является определение связей (*alignments*) между словами предложения-источника и словами целевого

предложения [Luong, 2015]. Использование данного метода позволяет решить проблему с переводом редких слов системами НМП. Перевод таких слов производится в дальнейшем на этапе постобработки корпуса текстов про помощи словарей. Исследователи указывают на различные пути реализации данного подхода. Одним из самых очевидных является способ обозначения связей между каждым словом предложения-источника и соответствующим ему словом целевого предложения. При этом позиция целевого слова, соответствующего слову-оригиналу, в целевом предложении предсказывается системой. Использование данного метода значительно замедляет процесс перевода из-за необходимости обрабатывать большее количество дополнительной информации. Для языковой пары с относительно схожим порядком слов в предложении («английский – французский») на выборке newstest2014 значение BLEU увеличилось на 2,4.

Еще один вариант реализации данного подхода, позволяющий излишне не перегружать систему, – это метод с приведением в соответствие не всех слов в предложении-источнике и целевом предложении, а лишь тех, что система не смогла перевести. Для языковой пары «английский – французский» на выборке newstest2014 значение BLEU увеличилось на 2,2.

К следующему методу, учитывающему лексические особенности, можно отнести метод маркировки слов как определенных частей речи [Sennrich, Haddow, 2016b]. Данный метод помогает частично снять проблемы с определением коннотации омонимичных слов. Увеличение показателя BLEU для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2015 при использовании данного метода – 0,3.

К еще одному методу относится учет морфологических особенностей каждого отдельного слова в тексте [Там же]. Учет таких особенностей слов, как, например, лицо, число, спряжение, позволяет улучшить точность перевода, в частности, для флективных языков. Данный метод приводит к улучшению BLEU на 0,4 для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2015.

2.4. Синтаксический уровень

Большинство методов улучшения НМП, используемых на синтаксическом уровне, зачастую копируют решения, традиционные для систем СМП.

В одном из таких методов исследователи предлагают использовать три следующие функции: дополнительные таблицы для перевода слов, языковые модели n -граммов и функцию поощрения (reward feature) [He, Wu, Wang, 2016]. Включение в системы НМП дополнительных таблиц

для перевода слов обеспечивает возможность учета распределения вероятности всех переводов данного слова. Языковые модели n -граммов используются для обучения на целевом одноязычном корпусе текстов для последующего определения того, с какой вероятностью то или иное слово может встречаться в переводе после данного конкретного слова. Функция поощрения используется для того, чтобы система могла отдавать предпочтения более полным переводам предложений-источников в отличие от более коротких и неполных переводов, которые зачастую выбираются системами НМП. В целом использование данных функции для языковой пары «китайский – английский» на выборке NISTMT08 позволяет увеличить значение BLEU на 2,97 единицы.

Следующий метод, который использует синтаксическую информацию, также позаимствован из систем СМП. В данном методе используется построение контекстных векторов фраз, которые затем выстраиваются в виде древа предложения восходящим способом [Eriguchi, Hashimoto, Tsuruoka, 2016]. Данный метод позволяет учитывать особенности языка, обусловленные разницей в порядке слов в предложении. В связи с этим данный метод позволил улучшить показатели BLEU для чрезвычайно различной по структуре языковой пары «английский – японский» на 2,31 на выборке, составленной исследователями.

К еще одному методу улучшения перевода можно отнести использование меток зависимости слов [Sennrich, Haddow, 2016b]. Его использование в системах НМП позволяет решить проблему с неправильным порядком слов переведенного предложения, вызванным различиями в структуре языка. Показатель BLEU при использовании данного метода увеличивается на 0,1 для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2015.

К последнему методу, используемому на синтаксическом уровне, относится метод с использованием только одноязычных корпусов текстов для обучения системы [Там же, 2016а]. Данный подход позволяет увеличить объем обучающего материала в случаях, когда существует недостаток параллельных корпусов текстов. Материалы одноязычного корпуса текстов могут быть использованы в системе двумя различными способами. В первом из них одноязычные обучающие примеры рассматриваются как часть параллельного корпуса текстов с пустым корпусом оригинальных текстов. В этом случае нейронная сеть опирается только на предшествующие целевые слова для определения вероятности появления конкретного последующего слова. Для того чтобы увеличить эффективность использования одноязычных данных, исследователи предлагают ввести второй способ работы с данными – обратный перевод. В данном случае для обучения используется

необработанный автоматический перевод параллельных корпусов текстов. Значение метрики BLEU для данного способа увеличивается на 1,3 единицы для языковой пары «английский – немецкий» на выборке newstest2015.

Таким образом, можно сделать вывод, что все многообразие существующих подходов к решению проблемы улучшения НМП может быть разделено на две большие подгруппы: структурные и лингвистические. При этом их использование приводит к разным степеням улучшения показателя метрики BLEU. Лучший результат в этом плане демонстрируют системы с большим количеством слоев и остаточными связями (улучшение метрики BLEU на 3,9), а также с использованием функций, характерных для СМП (2,97).

Кроме того, следует отметить, что подавляющее большинство решений, существующих на данный момент, направлены на преодоление ряда ключевых ограничений систем с использованием нейронных связей: неспособность к переводу редких слов, наличие пропусков в переведенном тексте и медленный процесс обучения.

Библиографический список / References

Cheng et al., 2016 – Agreement-based joint training for bidirectional attention-based neural machine translation. Cheng Y., Shen S., He Z. et al. *Proceedings of the twenty-fifth international joint conference on artificial intelligence*. 2016. URL: <https://arxiv.org/abs/1512.04650> (дата обращения: 25.01.2017).

Eriguchi, Hashimoto, Tsuruoka, 2016 – Eriguchi A., Hashimoto K., Tsuruoka Y. Tree-to-sequence attentional neural machine translation. *54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 2016. URL: <https://arxiv.org/abs/1603.06075>. (дата обращения: 25.01.2017).

He, Wu, Wang, 2016 – He W., Wu H., Wang H. Improved neural machine translation with SMT features. *Thirtieth AAAI conference on artificial intelligence*. 2016. Pp. 151–157.

Luong, 2015 – Luong M. Addressing the rare word problem in neural machine translation. *Proceedings of the 53rd annual meeting of the association for computational linguistics and the 7th international joint conference on natural language processing*. Beijing, 2015. Pp. 11–19.

Luong, Manning, 2016 – Luong M., Manning C. Achieving open vocabulary neural machine translation with hybrid word-character models. 2016. URL: <https://arxiv.org/abs/1604.00788> (дата обращения: 25.01.2017).

Luong, Pham, Manning, 2015 – Luong M., Pham H., Manning C. Effective approaches to attention-based neural machine translation. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1508.04025> (дата обращения: 25.01.2017).

Papineni et al., 2002 – BLEU: a method for automatic evaluation of machine translation. Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W. *Proceedings of the 40th annual meeting of the association for computational linguistics*. Philadelphia. 2002. Pp. 311–318.

Sennrich, Haddow, 2016a – Sennrich R., Haddow R. Improving neural machine translation models with monolingual data. *54th annual meeting of the association for computational linguistics*. Berlin, 2016. Pp. 86–96.

Sennrich, Haddow, 2016b – Sennrich R., Haddow R. Linguistic input features improve neural machine translation. *Research papers of the first conference on machine translation*. Vol. 1. Berlin, 2016. Pp. 83–91.

Wu et al., 2016 – Google's neural machine translation system: bridging the gap between human and machine translation. Wu Y., Schuster M., Chen Z. et al. 2016. URL: <https://arxiv.org/abs/1609.08144> (дата обращения: 25.01.2017).

Zhou et al., 2016 – Deep recurrent models with fast-forward connections for neural machine translation. Zhou J., Cao Y., Wang X. et al. *Computational linguistics*. 2016. Vol. 4. Pp. 371–383.

Статья поступила в редакцию 11.02.2017

The article was received on 11.02.2017

Калинин Сергей Михайлович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Kalinin Sergei M. – Senior Lecturer of Department of Foreign Languages of Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: kalimer@yandex.ru

П.Р. Ярбилова, И.М. Кобозева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234 г. Москва, Российская Федерация

Способы образования адъективных номинаций черт характера в аварском языке на фоне русского и английского языков¹

В статье рассматриваются в деривационном аспекте имена прилагательные и атрибутивные конструкции, обозначающие черты характера человека в аварском языке, в сопоставлении с соответствующими единицами русского и английского языков. В первом разделе рассматриваются различия между классами прилагательных в данных трех языках. Во втором разделе в сопоставительном плане рассматриваются словообразовательные модели аварских характерологических прилагательных, а в третьем – структурные типы аварских атрибутивных конструкций и фразем, служащих для номинации черт характера. В заключительном разделе содержатся обобщающие выводы и сравнительные количественные оценки состава лексико-семантической группы «Черты характера» в данных языках в деривационном аспекте.

Ключевые слова: номинации черт характера, словообразование, прилагательные, атрибутивные конструкции, фраземы, аварский язык, русский язык, английский язык.

¹ Авторы считают своей приятной обязанностью высказать благодарность рецензентам, а также П.В. Гращенкову, прочитавшему данную статью на завершающем этапе ее подготовки, за ценные замечания, которые мы постарались учесть.

P. Jarbilova, I.M. Kobozeva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow 119234, Russian Federation

Formation patterns of adjectival personality trait nominations in Avar against the background of Russian and English¹

The paper presents the study of adjectives and attributive constructions denoting personality traits in Avar language vs Russian and English in derivational aspect. In section 1, the adjective class properties in these three languages are discussed. Section 2 is devoted to the analysis of the word-formation patterns of the Avar personality trait adjectives in comparison with the other two languages. Section 3 presents the structural types of the Avar attributive constructions and phrasemes denoting personality traits. Section 4 summarizes the results of the analysis including approximate quantitative estimation of different derivational and constructional types of personality trait nominations in Avar as compared to Russian and English.

Key words: personality traits nomination, word formation, adjectives, attributive constructions, phrasemes, Avar, Russian, English.

Слова и выражения, обозначающие свойства человека, объединяемые в понятия «характер», представляют большой интерес для сопоставительного изучения, т.к. в их значении имплицитно заложены стереотипы поведения, которые с большой вероятностью могут оказаться культурно специфичными. Данная работа отражает первый этап контрастивного семантического исследования характерологической лексики в трех языках, различающихся как типологически, так и в этнолингвистическом аспекте, а именно – сравнение способов образования прилагательных или эквивалентных им атрибутивных конструкций как основного средства номинации черт характера человека в этих языках. Прежде чем перейти непосредственно к теме, кратко остановимся на специфике класса прилагательных в каждом из трех языков.

¹ The authors consider it their pleasant duty to express gratitude to the reviewers and P.V. Grashenkov who read this article at the final stage of its preparation and gave useful comments which we tried to take into account.

1. Типологические различия между классами прилагательных в аварском, русском и английском языках

Для того чтобы дать полную характеристику прилагательных как части речи в том или ином языке, необходимо использовать комплексный подход, включающий изучение «семантического» (значение класса слов), «морфологического» (грамматические формы и категории слов), и «синтаксического» (функции слова в предложении и его сочетаемость с другими словами) признаков [Гуревич, 2004, с. 126].

Такой типологически ориентированный комплексный подход был разработан П.В. Гращенковым в работе, которая интересна для нас, среди прочего, тем, что он был применен к материалу 10 языков, среди которых были и три языка, рассматриваемые в нашей работе. Выделив 5 параметров с возможными для них значениями, по которым можно оценить степень сформированности категории прилагательного в языке (= степень адъективности языка), автор охарактеризовал выбранные языки по этим параметрам. По степени сформированности категории прилагательного аварский язык, как оказалось, уступает и русскому, и английскому [Гращенков, 2000]. Рассмотрим различия между данными языками по каждому из параметров в более удобном для нас порядке, при необходимости дополняя краткие признаковые характеристики, данные в работе П.В. Гращенкова.

Параметр 1 – наличие и морфологические средства оформления согласовательных категорий. Русские прилагательные согласуются с определяемым существительным в роде, числе и падеже, причем имеется особый морфологический показатель адъективного согласования. В английском языке согласование в атрибутивной синтагме отсутствует. Аварские прилагательные, как и русские, согласуются с существительными в классе (аналоге рода) и числе, но при этом согласовательный показатель совпадает с таковым у глагола. Как и подавляющее число северо-кавказских языков, аварский язык имеет именные классные показатели [Charachidze, 1981, с. 29]. Конечные классные показатели используются для согласования прилагательного с определяемым существительным в классе: *-в* – показатель м. р., *-й* – ж. р., *-б* – ср. р., например: *suxlup-a-v* *vas* ‘хитрый мальчик’, *suxlup-a-y* *члужу* ‘хитрая женщина’, *suxlup-a-b* *лъимер* ‘хитрый ребенок’. По классам прилагательные изменяются только в единственном числе, а во множественном прилагательное оформляется показателем множественного числа *-л*, например: *suxlup-a-l* *гладамал* ‘хитрые люди’. По данному параметру аварский более адъективен, чем английский, но менее адъективен, чем русский.

Параметр 2 – характер и показатели семантических категорий. В русском и английском языках у прилагательных имеются степени сравнения, которые оформляются специальным морфологическим показателем или конструкцией, и специфические показатели интенсивности. В аварском языке степени сравнения оформляются теми же средствами, что у глагола, но есть специфические для признаков слов показатели интенсивности. По данному параметру аварский язык наименее адъективный из трех языков.

Параметр 3 – мощность класса, напрямую связанная с количеством рекатегоризирующих морфем. В русском и английском языках прилагательные образуют открытый класс, в них много морфем с широкой сочетаемостью, при помощи которых прилагательные образуются из слов других классов. В аварском языке прилагательные образуют так называемый «средний класс», т.к. морфем-рекатегоризаторов в нем существенно меньше. По данному параметру аварский язык снова уступает двум другим языкам.

Параметр 4 – формальный состав класса. В русском и английском языках прилагательные образуют чистый класс, т.е. в зоне прототипических прилагательных (размера, оценки, перцептивных признаков и т.п.) нет лексем, имеющих иные формальные свойства, чем ядерные концепты данной зоны. Аварские прилагательные образуют смешанный класс, когда в зоне прототипических прилагательных такие лексемы имеются, что снова говорит о меньшей адъективности данного класса в аварском языке по сравнению с русским и английским.

Параметр 5 – наличие у прилагательного особой предикативной формы. Русские прилагательные имеют краткую и полную формы. Краткая форма используется в предикативной функции (*Юноша был обаятелен*), а полная чаще используется в атрибутивной (*обаятельный юноша*), но вполне возможна и в предикативной (*Этот юноша обаятельный и воспитанный*). При этом отмечалось, что в предикативной функции краткая форма более характерна для книжного стиля. В ряде случаев краткая и полная формы в предикативной функции различаются по признаку временной локализованности [Булыгина, 1982], например, *он зол* (временное состояние) – *он злой* (постоянный признак). В английском языке нет различия краткой и полной форм, и различия временного/постоянного признака выражаются лексически: *he is angry* – *he is bad-tempered* [Милетова, 2008, с. 197].

Дать оценку аварскому языку по данному параметру не так просто. Вопрос о краткой форме прилагательного в аварском языке является весьма спорным, т.к. она совпадает с соответствующим наречием. Л.И. Жирков указывает на первичность наречия, от которого

образовалось прилагательное [Жирков, 1924, с. 115]. В.В. Киквидзе считал, что *лъикI* ‘хорош’ в аварском языке выступает и как наречие, и как краткая форма прилагательного в зависимости от роли слова в предложении [Гаджиева, 1979, с. 74]. По мнению М.-С. Саидова, считать эту форму прилагательным неверно, т.к. она не получила соответствующего оформления [Аварско-русский словарь, 1967, с. 753]. А.А. Бокарев указывал на то, что краткая форма может не только определять предмет по какому-либо признаку, но и участвовать в построении номинации самого предмета. В этом случае мы имеем либо устойчивые словосочетания с единым значением (напр., *мискин чи* ‘бедняк’ от *мискин* (полная форма *мискинав*) ‘бедный’ и *чи* ‘человек’), либо сложные слова (компози́ты). Ср. следующие номинации объектов по их характерным признакам: *рачIхалат* ‘лиса’ от *рачI* ‘хвост’ и *халат* (полная форма *халатаб*) ‘длинный’, *бералгургин* ‘красивый (о человеке)’ от *берал* ‘глаза’ и *гургин* (полная форма *гургинаб*) ‘круглый’, *кIал берцин* ‘красивая, хорошая речь, манера говорить’ от *кIал* ‘рот’ и *берцин* (полная форма *берцинаб*) ‘красивый’ [Гаджиева, 1979, с. 75]. Краткие прилагательные становятся постоянными эпитетами, например: *хъахIил зоб* ‘синее небо’, *багIар бакъ* ‘красное солнышко’ [Там же, с. 78]. М.Е. Алексеев, признающий наличие краткой формы в аварском языке, полагает, что полная форма образуется от краткой формы путем прибавления классных показателей [Алексеев, 1997, с. 30]. Ср. *багIар бакъ* ‘красно солнышко’ – *багIараб бакъ* ‘красное солнышко’.

Что касается синтаксической функции, то, как и в русском языке, так называемые краткие прилагательные нельзя использовать атрибутивно при именах существительных (если не считать редкие случаи устойчивых словосочетаний и постоянных эпитетов). Нельзя сказать *лъикI вас* ‘хорош мальчик’, но можно *лъикIав вас* ‘хороший мальчик’. Что касается предикативной функции, то в ней выступает та самая форма, которая совпадает с наречием, например: *вас авадан вуго* ‘мальчик весел’, но также можно сказать *вас аваданго вуго* ‘мальчик весел, мальчику весело’ с употреблением «полной формы».

Не претендуя на решение сложной семантико-синтаксической проблемы частеречной принадлежности кратких форм признаков слов (краткое прилагательное vs наречие) в аварском языке, мы можем сделать вывод о том, что в контрастивном лексико-семантическом исследовании прилагательных, обозначающих черты характера человека (постоянное свойство), и в русском, и аварском языках следует опираться на употребления полных форм. В русском языке краткие формы могут иметь значение преходящей, эпизодической характеристики объекта (ср. *зол, весел*). В аварском языке они омонимичны наречиям,

а наречия, соотносительные с характерологическими прилагательными, обозначают не постоянное свойство человека, а лишь то, как он действует в данной ситуации (ср. *Осторожный Петя закрыл окно и Петя осторожно закрыл окно*).

2. Словообразовательная структура характерологических прилагательных и эквивалентных им единиц аварского языка в сопоставлении с русским и английским

Аварский язык является менее изученным по сравнению с русским и английским языками, а специальным изучением аварской характерологической лексики и вовсе никто не занимался. Материал для исследования был получен следующим образом. Из «Словаря-тезауруса русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» под ред. Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2011] были выбраны все характерологические прилагательные (около 335 слов). Затем в соответствии с этим списком отбирались английские и аварские переводные эквиваленты из двуязычных словарей [Русско-английский словарь, 1985; ABVYY Lingvo] (601 лексическая единица), русско-аварский словарь [Русско-аварский словарь, 1951] (715 лексических единиц).

Необходимо изучить способы образования соответствующих номинаций, чтобы понять, какие языковые выражения в сопоставляемых языках являются воспроизводимыми единицами, фиксирующими характерологические понятия, а не просто описательными конструкциями, а также выявить сходства и различия в концептуализации этих понятий, отражаемой во внутренней форме слова (словообразовательном значении). При этом в данной работе мы не рассматриваем особо семантический способ образования интересующих нас лексических единиц, т.е. семантическую деривацию, ср. *мягкий* 1 (тактильное свойство) и *мягкий* 2 (черта личности), *blunt* 1 ‘тупой (тактильное свойство)’ – *blunt* 2 ‘нечуткий; откровенный’, *пучаб* 1 ‘испорченный, гнилой’ – *пучаб* ‘аморальный, безнравственный’. Сопоставительное изучение таких лексических единиц – это предмет отдельного когнитивно-семантического исследования. В дальнейшем метафорические номинации черт личности будут анализироваться наряду с остальными с точки зрения их морфологической или морфосинтаксической структуры.

Мы исходим из того, что прилагательные в русском языке образуются путем суффиксации, префиксации, сложения, сращения, а также смешанными способами: префиксально-суффиксальным, суффиксально-сложным, способом сращения в сочетании с суффиксацией [Русская грамматика, 1980, с. 269, § 609]. В качестве основы при определении

словообразовательных типов для данной лексико-семантической группы в русском языке нами также была взята «Русская грамматика» под редакцией М.Ю. Шведовой [Русская грамматика, 1980]. В группе характерологических прилагательных нами были выявлены все вышеперечисленные способы, кроме сращения в сочетании с суффиксацией. Большинство словообразовательных типов носят регулярный характер и являются продуктивными.

Для английского языка характерно то, что «словообразовательные элементы возникали и развивались в процессе словосложения из самостоятельных слов, чем и объясняется тот факт, что они обладают довольно прозрачным значением» [Карашук, 1977, с. 17] (например, *-less*, *-some*, *-ful*, *-like*, *-worthy* и др.). В системе английского словообразования можно говорить не только об аффиксации, но также о конверсии, словосложении, сращении и аббревиации [Там же, с. 31]. В рамках исследуемой нами характерологической лексики представлены: аффиксация, конверсия, сложение и сращение. В отличие от русских и аварских, в числе английских номинаций черт характера очень много морфологически непроемких прилагательных: *blunt* – ‘нечуткий, откровенный’, *fair* – ‘справедливый’, *good* – ‘добрый’, *grave* – ‘степенный’, *idle* – ‘ленивый’, *just* – ‘праведный, справедливый’, *noble* – ‘благородный’, *rude* – ‘грубый’, *shy* – ‘скромный’, *vain* – ‘самолюбивый’¹.

Из формальных (в противовес семантическому) способов аварского словообразования, выделенных в [Гаджиева, 1979, с. 49], в исследуемой семантической группе прилагательных представлены морфологический (суффиксация) и морфолого-синтаксический (сложение) способы. Помимо этого, если принимать во внимание варианты слитного написания некоторых лексических единиц (например, *pakI bacIyIadav* = *pakIbacIyIadav* ‘бесхитростный, искренний, открытый, чистосердечный, прямодушный’), то можно говорить и о наличии сращения.

Особенность характерологических прилагательных аварского языка по сравнению с двумя другими языками состоит в том, что непроемные² среди них только те, которые являются семантическими дериватами прилагательных из других семантических классов, а все остальные, которых большинство, – производны. Иными словами, все аварские прилагательные данной лексико-семантической группы производны

¹ Некоторые из них являются семантическими дериватами прилагательных других классов.

² Непроизводными мы считаем слова, в которых словообразовательные форманты не выделяются на синхронном уровне. Так, в прилагательном *горький* при этимологическом анализе выделяется суффикс *-к-*, который с синхронной точки зрения составляет часть производной основы *горьк/горч-*.

либо морфологически, либо семантически. Это отличает данный семантический класс от прилагательных размера, оценки, цвета и некоторых других классов прототипических прилагательных. Последние в их краткой форме (для некоторых из них совпадающей с соответствующим наречием), часто непроеизводны, ср., *халат* 'длинный', *лъикI* 'хорош / хорошо', *багIар* 'красен'.

Также среди переводных эквивалентов русских характерологических прилагательных были обнаружены адъективные словосочетания (атрибутивные конструкции). Одни из них построены по регулярным моделям, другие явно фразеологичны, третьи, по-видимому, представляют собой не лексические единицы, а описательные выражения. Поскольку достаточно часто русское прилагательное не имеет однословного эквивалента в аварском, мы не можем обойти вниманием атрибутивные конструкции, принадлежащие к данной лексико-семантической группе.

2.1. Прилагательные характера, образованные при помощи суффиксации

Аварский язык небогат словообразовательными формантами, а для прилагательных данной лексико-семантической группы используется лишь один суффикс *-а-* с двумя алломорфами (*-я/-ия-*), распределенными по фонетическому признаку¹.

Аварские суффиксальные прилагательные образуются от основ существительного и наречия.

2.1.1. Прилагательные, образованные от существительных

Прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса *-а/-я-*, с классными показателями обозначают признак, относящийся к тому, что названо мотивирующим словом со следующими подтипами:

а) «характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом»: *гучаб* 'сильный' (от *гуч* 'сила'), *гIадилаб* 'справедливый' (от *гIадил* 'справедливость'), *жигараб* 'напористый' (от *жигар* 'расторопность, живость'), *къамартIаб* 'бравый, изворотливый' (от *къамартI* 'статность, ловкость'), *муруватаб* 'великодушный' (от *муруват* 'великодушные'), *намусаб* 'застенчивый, стеснительный' (от *намус* 'совесть, стыд'), *таваккалаб* 'бесстрашный, решительный, самоуверенный' (от *таваккал* 'решительность'), *хIакъаб* 'справедливый' (от *хIакъ* 'истина, правда'), *гьересияб* 'лживый' (от *гьереси* 'ложь'), *жасхIдаяб* 'завистливый'

¹ «При гласном исходе слова между суффиксом *-а-* и корнем (основой) появляется интерфикс (графически *j + a = я*): *пайда* «польза» – *я(б)* – *пайдаяб* «полезный» [Магомедов, Алиханов, 2008, с. 88].

(от *жахIда* ‘зависть’), *къадруяб* ‘благородный’ (от *къадру* ‘достоинство, честь’), *макруяб* ‘коварный, лукавый’ (от *макру* ‘коварство’), *пахруяб* ‘высокомерный, гордый, заносчивый, кичливый, самолюбивый, спесивый, тщеславный’ (от *пахру* ‘гордость, высокомерие, гонор; надменность, заносчивость, кичливость, спесивость’), *хIуллаяб* ‘коварный’ (от *хIулла* ‘коварство’), *рахIатаб* ‘кроткий’ (от *рахIат* ‘покой, спокойствие’), *рекIклаб* ‘коварный, неверный’ (от *рекIкл* ‘коварство, обман, предательство’), *хиянатаб* ‘вероломный’ (от *хиянат* ‘вероломство, предательство’), *хIаракатаб* ‘напористый’ (от *хIаракат* ‘активность; старание, рвение’), *зулмаяб* ‘бесчеловечный, бесчувственный’ (от *зулму* ‘притеснение, угнетение’), *сабруяб* ‘безропотный, скромный, кроткий, терпеливый, тихий’ (от *сабру* ‘терпение’);

б) «имеющий свойства лица, названного мотивирующим словом»: *багъадуряб* ‘отважный’ (от *багъадур* ‘храбрец, смельчак’), *бахилаб* ‘алчный, жадный, скупой’ (от *бахил* ‘скупец, скряга’), *кIигъумераб* ‘двоядушный, лицемерный, неискренний’ (от *кIигъумер* ‘двуличный человек, лицемер’), *мунапикъаб* ‘вероломный, неискренний’ (от *мунапикъ* ‘лицемер’), *тушманаб* ‘враждебный, недоброжелательный, недружелюбный’ (от *тушман* ‘враг, недруг’); *бахIарчияб* ‘смелый, храбрый, отважный, самоотверженный’ (от *бахIарчи* ‘герой, смельчак, храбрец’), *вахънаяб* ‘елейный, малодушный’ (от *вахъна* ‘негодяй, ничтожество’).

Часто при образовании прилагательных от существительных происходит изменение основы: *дин* ‘религия’ – *дини-я(б)* ‘религиозный, благочестивый’, *жаваб* ‘ответ’ – *жаваби-я(б)* ‘ответственный’, *инсан* ‘человек’ – *инсани-я(б)* ‘человечный’. Формант *-и-* в этих словах «можно считать интерфейсом, звуком, помогающим соединению основы и суффикса» [Современный аварский язык, 2012, с. 113].

Ряд аварских прилагательных образован по общим правилам от существительных, заимствованных из русского языка. Слова этого типа характеризуются такими же семантическими отношениями с мотивирующей основой, как и вышеупомянутые: *культурияб* – «характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом», *альтруистияб*, *деспотияб*, *эгоистияб* – «имеющий свойства лица, названного мотивирующим словом».

Таким образом, в аварском языке, равно как и в русском и английском, характерологические прилагательные могут образовываться суффиксальным способом от имен. Во всех трех языках есть прилагательные, которые образуются от основ существительных, обозначающих абстрактные понятия, например: авар. *муруват-а-б* ‘великодушный’ < *муруват* ‘великодушие’, рус. *власт-н-ый* < *власть*, англ. *merciful* ‘милосердный’ < *mercy* ‘милосердие’. Также во всех трех языках

есть прилагательные, мотивированные существительными со значением лица с определенной чертой характера, например: авар. *вахънаяб* ‘мало-душный’ < *вахъна* ‘негодяй, трус’, рус. *эгоистичный* < *эгоист* (в основном от заимствованных слов); англ. *cowardly* ‘трусливый’ < *coward* ‘трус’. Однако, как показывают примеры, очень часто прилагательному аварского языка, производному от имени абстрактного понятия, в русском и английском языке соответствуют по значению первообразные (на синхронном уровне) прилагательные, от основ которых производны имена соответствующих черт характера, ср. *скромный* (> *скромность*) – *modest* (> *modesty*) – *сабруяб* (< *сабру* ‘терпение’). Это можно интерпретировать так: в русском и английском языке семантически первичным является представление черты характера как признака, который может быть переосмыслен как сущность в результате когнитивной операции «опредмечивания», производимой при образовании абстрактного имени данного признака. В аварском же языке, напротив, семантически первичным является представление свойства человека как некоей сущности, которая может быть представлена как его признак при образовании адъектива. Однако для описания лексического значения соответствующих прилагательных в трех языках это различие во внутренней форме существенно лишь в том отношении, что в английском и русском языках можно ограничиться исследованием употреблений прилагательных, тогда как в аварском, вероятно, следует привлекать к рассмотрению и употребление мотивирующих их имен.

2.1.2. Прилагательные, образованные от наречий

Прилагательные, образованные с помощью суффикса *-а/-я/-ия-* от наречий, имеют значение «характеризующийся образом действия, названного мотивирующим словом»: авар. *аваданаб* ‘неунывающий’ (от *авадан* ‘весело’), *бизараб* ‘докучливый, навязчивый, назойливый’ (от *бизар* ‘скучно, надоедливо’), *лебалаб* ‘бойкий’ (от *лебал* ‘живо, бодро’), *лыкIлаб* ‘добродетельный, добрый’ (от *лыкI* ‘хорошо’), *мумIуIлаб* ‘верный, покорный, порядочный, смиренный’ (от *мумIуI* ‘послушно, покорно, преданно’), *хIлалалаб* ‘добросовестный, честный’ (от *хIлалал* ‘дозволено, разрешено’), ‘добросердечный’ (от *рази* ‘довольный кем/чем-либо’), *тирияб* ‘бойкий, изворотливый’ (от *тири* ‘живо, энергично, расторопно’).

Выше мы говорили, что в аварском языке наречие совпадает по форме с кратким прилагательным, отличаясь от последнего только по синтаксической функции¹. Обратим внимание на то, что во всех наших

¹ Некоторую аналогию этому в русском языке можно усмотреть в омонимии качественных наречий на *-о* и формы среднего рода однокоренного краткого прилагательного, ср. Он *храбро* сражался и Его войско было *храбро*.

примерах речь не идет о соотношении полной (атрибутивной) и краткой (предикативной) форм одного и того же признакового слова (как это имеет место в парах *baɣlar* «красно» – *baɣlaraɓ* «красное»), поскольку (полное) прилагательное отличается от производящего слова по лексическому значению. К тому же семантически прилагательное мотивировано значением «способа действия», которое присуще именно наречиям, а не кратким прилагательным.

2.2. Прилагательные, образованные путем конверсии причастий

В аварском языке имеет место адъективация причастий. «Многие прилагательные содержат в своем составе суффикс *-ar* причастного происхождения. Основная часть этих прилагательных образовалась морфолого-синтаксическим способом, т. е. потеряв глагольные признаки (время), причастия перешли в прилагательные. Прилагательные этого типа имеют значение “такой, для которого участие в ситуации, обозначенной производящим словом, является характерным свойством”. Чаще всего переходят в прилагательные причастия прошедшего времени» [Магомедов, Алиханов, 2008, с. 101]: *bumɬaraɓ* ‘справедливый, прямолинейный, честный’, *baraɣɬaraɓ* ‘жадный, завистливый, скарденный, скупой’, *kʷaɣɬaraɓ* ‘настойчивый, стойкий, строгий, требовательный’. Немало и прилагательных, образованных от причастий настоящего времени с суффиксом *-ule-*, например: *kʷaɣkʷaduɣe* ‘суетливый’ (*kʷaɣkʷadize* ‘заниматься чем-либо’), *miz-mizduɣe* ‘брюзгливый’ (*miz-mizdize* ‘брюзжать’), *pudaruɣe* ‘хвастливый’ (*pudariɣe* ‘хвастать(ся)’), *raziɣɬule* ‘уступчивый’ (*raziɣɬize* ‘быть довольным, довольствоваться’), *xɬinkʷule* ‘боязливый’ (*xɬinkʷize* ‘бояться’).

Конверсия является характерной особенностью английского языка с давних времен. Для обозначения черт характера в английском языке, как и в аварском, широко используются адъективированные причастия. Такие прилагательные называют черту характера через указание на участие в типовой ситуации ее проявления, которая обозначена мотивирующей основой, например: *grasping* – ‘алчный’; *grumbling* – ‘брюзгливый, ворчливый’; *mocking* – ‘глумливый’; *swaggering* – ‘чванливый’; *decided* – ‘решительный’; *dignified* – ‘степенный’; *scared* – ‘пугливый’. Интересно отметить, что аварские и английские отпричастные прилагательные чаще соответствуют русским отглагольным суффиксальным прилагательным: *покорный*, *пугливый*, *стеснительный*, *придирчивый* и др. Тем не менее, и в русском языке также есть характерологические прилагательные, образованные путем адъективации причастий настоящего или прошедшего времени, например: *неунывающий*, *воспитанный*.

Также в аварском языке есть прилагательные со значением «такой, для которого неучастие в действии / ненахождение в состоянии, обозначенном производящим словом, является характерным свойством», образованные от отрицательных причастий, например: *намусльуларев* ‘беззастенчивый’ (*намусльизе* ‘стесняться’), *мутлузльуларев* ‘непокорный’ (*мутлузльизе* ‘покоряться’), *злунтламуларев* ‘непослушный’ (*злунтламуизе* ‘слушаться’). Такие прилагательные по внутренней форме схожи с русскими отглагольными и английскими отпричастными прилагательными с отрицательными префиксами, ср. *недоверчивый/distrustful*, *непреклонный/unbending*.

2.3. Прилагательные, образованные способом словосложения

Словосложение является одним из продуктивных способов аварского словообразования. Однако в исследуемой лексико-семантической группе они встречаются редко.

Сложные прилагательные с сочинительной связью представлены сочетанием из двух компонентов, первый из которых имеет самостоятельное значение, а второй нет. «При этом первый является усеченной формой полного прилагательного: усекаются классные показатели, суффиксы» [Магомедов, Алиханов, 2008, с. 96]. Этот тип прилагательных имеет значение «характеризующийся свойством, названным в первом компоненте»: *рази-ракияб* ‘неунывающий’ (*разияб* ‘довольный, радостный’)¹. Подобная модель словообразования отсутствует в русском и английском языках.

Композиты с подчинительной связью представлены прилагательными типа: *тлulmaxlab* ‘упрямый’ (букв. ‘пахнущий палкой’), *пицlmaxlab* ‘назойливый’ (букв. ‘пахнущий смолой’). Второй компонент – *maxlab* – образован от существительного *maxl* ‘запах’, но самостоятельно в значении «пахнущий» не используется, а интерпретируется как «подобный». Аналогичную семантику имеет компонент *-подобный* в русском и суффикс *-like* в английском языке. Прилагательные такой структуры имеют словообразовательное значение (внутреннюю форму) «подобный тому, что названо в первом компоненте», которое, как мы видим, в аварском языке может использоваться для образной номинации черт характера, основанной на метафоре.

¹ Что касается статуса второго компонента в композитах такого типа, то ясно только то, что он не является семантической вершиной, подчиняющей себе второй компонент, но и конъюнктом такой «пустой» компонент считать трудно. Вопрос о статусе таких компонентов как элементов композита требует специального исследования.

В русском языке сложение (в основном сложно-суффиксальный способ образования) с подчинительной связью между компонентами представлено у прилагательных данной лексико-семантической группы гораздо шире. Из выделенных П.В. Гращенковым шести продуктивных морфосинтаксических моделей образования сложных прилагательных [Гращенков, 2016, с. 11–12], в нашем материале встретились пять: Adj + N (*великодушный, прямолинейный*), Num + N (*двуличный, двоедушный*), V + DO (*вероломный, гостеприимный*), V + IO (*любвеобильный*), V + PP (*целеустремленный*), а кроме того модели Adv + V (*легковерный* < ‘легко верит’), V + V_{inf} (*любопытный* < ‘любит знать’).

В английском языке словосложение также достаточно широко представлено у характерологических прилагательных. Сложно-суффиксальным способом по модели Adj + N образованы, например, *stony-hearted* ‘жестокосердный’, *quick-witted* ‘понятливый’, по модели Num + N, например, *double-faced*, по модели V + DO, например, *faultfinding* ‘придирчивый’, *troublemaking* ‘склочный’, по модели Adv + V, например, *hard-working* ‘трудолюбивый’, *easy-going* ‘спокойный’.

Одним из продуктивных способов английского словосложения является сращение. Характерной чертой образованных этим способом композитов является то, что по лексико-синтаксической структуре они совпадают со свободными или фразеологизированными словосочетаниями, которые их мотивируют, а различаются графическим оформлением – написанием слитно или через дефис, что не всегда соответствует просодическим различиям. При этом по значению такие композиты могут как существенно отличаться от мотивирующих их словосочетаний, так и быть полностью синонимичными им, ср., с одной стороны, *straight forward* ‘прямо вперед’ > *straightforward* ‘прямодушный, прямой, прямолинейный’, с другой стороны, *young at heart* = *young-at-heart* ‘не молодой по возрасту, но с характерными для молодых людей устремлениями и стилем поведения’ (ср. рус. *молод душой*). Случаи полной синонимии композита и мотивирующей его фраземы наглядно демонстрируют условность границы между ними в этом языке.

Относительная слабая по сравнению с русским и английским языками представленность сложных слов среди аварских характерологических прилагательных компенсируется за счет атрибутивных конструкций, которые мы рассмотрим в следующем разделе.

3. Атрибутивные конструкции аварского языка, эквивалентные прилагательным

Отличительной особенностью аварского языка в рамках данной лексико-семантической группы является наличие большого количества в той или иной мере устойчивых и идиоматичных сочетаний – фразем или конструкций, состоящих из двух или более слов и построенных по определенным моделям. Эти сочетания выполняют определительную функцию и регулярно используются для обозначения той или иной черты характера человека.

3.1. Двухсловные сочетания

Тип А: N + Adj: *бер бахилав* ‘корыстный’ (*бер* ‘глаз’ *бахилав* ‘жадный’), *гIамал кIудияв* ‘высокомерный, гордый, заносчивый, тщеславный’ (*гIамал* ‘характер’ *кIудияв* ‘большой’), *ракI лъикIав* ‘беззлобный, великодушный, добродушный, добросердечный’ (*ракI* ‘сердце’ *лъикIав* ‘хороший’), *хасият квешав* ‘безнравственный’ (*хасият* ‘поведение, характер’ *квешав* ‘плохой’), *инсан хирияв* ‘человеколюбивый’ (*инсан* ‘человек’ *хирияв* ‘дорогой’). Все эти сочетания идиоматичны, т.к. их действительное значение не сводится к буквальному. В русском языке можно указать на близкую по структуре фразему *чистый сердцем*, но в основном по внутренней форме данному типу фразем соответствуют русские и английские композиты типа *добросердечный* / *kindhearted*, *великодушный* / *noble-minded*, а в английском также префиксальные прилагательные типа *well-natured* ‘добродушный’. Обратим внимание на порядок следования синтаксически и семантически вершинного компонента в аварских фраземах данного типа. Согласно [Гращенков, 2016], в русских сложных прилагательных вершина всегда справа. То же, по-видимому, справедливо и в отношении английских и аварских прилагательных, образованных сложно-суффиксальным способом (см. раздел 2.2). В аварских фраземах данного типа, выступающих аналогами сложных слов других языков, как, кстати, и в схожих по лексическому составу (но не морфо-синтаксически) русских фраземах типа *чистый сердцем* и английских сращениях типа *young-at-heart*, вершина находится слева.

Тип Б: Adj + Part состоит из трех подтипов.

Подтип Б1. Первый компонент несет основную смысловую нагрузку, обозначая свойство человека субстантивно, как некую абстрактную

сущность, а второй компонент – *бугев* ‘имеющий’ (причастие наст. вр. от глагола со значением ‘быть’) выполняет служебную функцию приписывания данного свойства референту определяемого личного имени. Внутренняя форма всего сочетания – «имеющий то, что называет первый компонент». Примеры: *агъаз бугев* ‘заботливый’ (*агъаз* ‘забота’), *адаб бугев* ‘внимательный, добропорядочный, приветливый, тактичный, щепетильный’ (*адаб* ‘вежливость, учтивость; воспитанность, нравственность, уважение’), *цlob бугев* ‘милосердный’ (*цlob* ‘милосердие’), *чагольи бугев* ‘бойкий’ (*чагольи* ‘живость’), *яхI бугев* ‘добросовестный’ (*яхI* ‘совесть’). Таким образом, второй компонент фактически служит формантом, преобразующим субстантивное обозначение черты характера или ее типового проявления в адъективное. Данный компонент ближе всего в функциональном и семантическом (в диахронической перспективе) аспекте к английскому суффиксу *-ful* (восходящему к *full* ‘полный чего-л.’), который адъективирует существительные, в том числе обозначающие черты характера, ср. *merciful* ‘милосердный’ (от *mercy* ‘милосердие’), и с опорой на внутреннюю форму может интерпретироваться как «имеющий внутри себя в таком количестве, которое заполняет собой все ограниченное пространство» (ср. в русском сочетании типа *преисполненный мужества* ≈ *мужественный*, *преисполненная коварства* ≈ *коварная* и т.п.).

Подтип Б2. Аналогичные по структуре сочетания со вторым компонентом *гъечлев* ‘не имеющий’ (адъективная форма от *гъечlo* ‘нет’), буквальное означают «не имеющий того, что называет первый компонент»: *агъаз гъечлев* ‘беззаботный’ (*агъаз* ‘забота’), *адаб гъечлев* ‘беснравственный, беспардонный, бесстыдный’ (*адаб* ‘вежливость, учтивость; воспитанность, нравственность, уважение’), *баркала гъечлев* ‘неблагодарный’ (*баркала* ‘спасибо, благодарность’), *гурхIел гъечлев* ‘бездущный, безжалостный, беспощадный, бессердечный’ (*гурхIел* ‘жалость’), *жигар гъечлев* ‘нерасторопный’ (*жигар* ‘желание, рвение’), *нич гъечлев* ‘беззастенчивый, бесстыдный, наглый, нахальный, нескромный, толстокожий, циничный’ (*нич* ‘стыд’), *сабру гъечлев* ‘нетерпеливый’ (*сабру* ‘терпение’). Очевидно, что и в данном подтипе фразем первый компонент является семантически главным, а второй играет служебную роль адъективатора, вводящего оператор отрицания, в сферу действия которого попадает свойство, обозначенное первым компонентом. В английском языке ближе всего по функции к этому аварскому адъективатору стоит суффикс *-less*. Компоненты *гъечлев* и *-less* обозначают свойство, представляя его как отсутствие того, что обозначено первым компонентом выражения. Как и суффиксы *-less/-ful*, компоненты *гъечлев/бугев* фактически выступают как словообразовательные форманты, и,

возможно, на определенном этапе развития аварского языка они станут полноценными суффиксами. В русском достаточно регулярным соответствием для конструкций данного типа выступают прилагательные, образованные присоединением к основе, обозначающей черту характера, приставки *без-/бес-* или *не-* и одного из адъективирующих суффиксов.

Подтип Б3. Как и в подтипе Б2, в Б3 первый компонент – существительное – обозначает некоторое этическое понятие как сущность, а второй компонент – причастие, которое несвободным образом выбирается в зависимости от первого компонента и по сути также выполняет служебную роль адъективатора с отрицанием или без него: *гурхIел лъаларев* ‘беспощадный’ (*гурхIел* ‘жалость’, *лъаларев* ‘не знающий’), *нич тIагIарав* ‘бесстыдный’ (*нич* ‘стыд’, *тIагIарав* ‘исчезнувший’), *намус цIунарав* ‘целомудренный’ (*намус* ‘совесть’, *цIунарав* ‘сохранивший’), *цIоб тараб* ‘немилосердный’ (*цIоб* ‘милосердие’ *тараб* ‘оставивший’);

Подтип Б4. В этом подтипе первый компонент субстантивно называет некоторое действие или состояние, а второй компонент, синтаксически главный, а семантически играющий подчиненную роль, лишь указывает на отношение носителя данной черты характера к тому, что обозначено первым компонентом: *исрап гъабулев* ‘расточительный’ (*исрап* ‘расточительство’, *гъабулев* ‘делающий’), *рахIат толарев* ‘назойливый’ (*рахIат* ‘покой’, *толарев* ‘не оставляющий’), *рокыи кьоларев* ‘самолюбивый’ (*рокыи* ‘любовь’, *кьоларев* ‘не дающий’).

Подтип Б5. В этом подтипе первый компонент называет объект действия, обозначаемого вторым компонентом, причем буквальным смыслом сочетания описывает характерное действие носителя черты характера, например *бер кьаларев* ‘храбрый, смелый’ (*бер* ‘глаз’ *кьаларев* ‘не закрывающий’), или характерное для него отношение к названному объекту, например, *гьобол вокьулев* ‘гостеприимный, хлебосольный’ (*гьобол* ‘гость’ *вокьулев* ‘любящий’).

Следует подчеркнуть, что сочетания подтипов Б1–Б5 не одинаковы по степени их фразеологичности. Конструкции типа Б1–Б2 продуктивны и семантически композиционны: первый компонент обозначает черту характера или поведения человека, а второй является десемантизированным адъективатором, что в совокупности дает адъективную репрезентацию этой черты. В подтипе Б3 второй компонент выбирается в зависимости от конкретной лексики, выступающей в качестве первого компонента, но значение целого в принципе выводимо из значений компонентов. В подтипах Б4–Б5 в основном представлены идиоматичные фраземы. Так, значение ‘самолюбивый’ не выводится по общему правилу из значений компонентов ‘любовь’ и ‘не дающий’, значение ‘храбрый’ не сводится к свойству ‘не закрывать глаза’, хотя последнее

может входить в число проявлений храбрости при определенных условиях (например, храбрый не закрывает глаза при виде опасности). Также и значение 'гостеприимный' не равно 'любящий гостей', хотя человек, испытывающий к гостям названное эмоциональное отношение, с большой вероятностью будет проявлять ту черту характера, которая обозначается словами *гостеприимный* в русском и *hospitable* в английском языке.

Тип В: Adj + N_{ген}. Первый компонент обозначает свойство (характерологическое или оценочное) и выступает в функции определения при втором компоненте – субstantиве с обобщающим значением психологического или социального параметра человека («сердце» как орган эмоций, «намерение», «поведение», «характер»): *бахIарчийаб хасиятаIьул* 'бравый' (букв. 'смелого, храброго характера, нрава'), *бацIуIадаб раIаIьул* 'наивный' (букв. 'чистого сердца'), *чIухIараб кьагIидаяIьул* 'напыщенный' ('горделивого поведения, манер'), *квешаб ниятаIьул* 'недоброжелательный' ('плохого намерения'). В данном типе представлены атрибутивные коллокации с композиционной семантикой.

Тип Г: Adv + Part. Причастие, возможно, уже является в этих случаях прилагательным. Данный тип имеет общее значение: «такой, который совершая действие, обозначенное вторым компонентом, делает это способом, обозначенным в первом компоненте»: *бигьаго божулев* 'доверчивый' (букв. 'легковерящий'), *дагь IаIьгале* 'неразговорчивый' (букв. 'мало говорящий'), *хехго бариулев* 'обидчивый' (букв. 'быстро обижающийся'). Сочетания устойчивы (коллокации), но семантически композиционны.

Тип Д: V + Part. Главный в смысловом (тематическом) отношении – глагол, а причастие выступает как модализирующий адеквататор. Данный тип, в зависимости от семантики причастия, имеет одно из двух общих значений:

1) «такой, который легко, охотно совершает действие, обозначенное вторым компонентом», например *IаIьгазе бокьулев* 'общительный' (*IаIьгазе* 'разговаривать', *бокьулев* 'любящий');

2) «такой, по отношению к которому (не)возможно действие, обозначенное вторым компонентом»: *божизе бегьулев* 'благонадежный' (*божизе* 'верить', *бегьулев* – причастие модального глагола со значением возможности), *хIинкьизабизе IоIареб* 'неустрасимый' (*хIинкьизабизе* 'испугать', *IоIареб* – причастие модального глагола со значением невозможности).

В русском и английском языке сочетаниям типов Г и Д по внутренней форме более всего соответствуют отглагольные прилагательные. В русском языке – это прежде всего прилагательные с суффиксами

-лив/-чив/-ив и -ист (для типа Г и подтипа Д1), напр., *кичливый, разговорчивый, льстивый, задиристый*, а также с суффиксом -им-, обычно в сочетании с приставкой не- (для подтипа Д2), например, *неустрашимый, неумолимый*. В английском языке это прилагательные с суффиксом -ive (для типа Г и подтипа Д1), например, *talkative* ‘разговорчивый’ (от *talk* ‘говорить’), *initiative* ‘инициативный’ (от *initiate* ‘быть начинателем чего-л.’), и с суффиксом -able (для подтипа Д2), например, *reliable* ‘надежный’ (от *rely* ‘полагаться на кого-л.’); *respectable* ‘добропорядочный’ (от *respect* ‘уважать’)¹.

Фразеологичность двусловных сочетаний в аварском языке подтверждает и тот факт, что ввиду отсутствия установленных норм орфографии встречается как их раздельное, так и слитное написание: *агъаз гъечлев / агъазгъечлев* ‘беззаботный’, *рак1 бац1у1адав / рак1бац1у1адав* ‘бесхитростный, искренний, открытый, чистосердечный, прямодушный’, *г1амал к1удияб / г1амалк1удияб* ‘горделивый, высокомерный, тщеславный’, *гъорлъ восарав / гъорлъвосарав* ‘общительный’ (гъорлъ ‘внутри’ *восарав* ‘принятый’). При слитном написании в аварском языке также может быть выделен такой способ образования новых слов, как сращение.

Заметим также, что из некоторых адъективных сочетаний путем сращения, сопровождаемого дезаффиксацией (усечением основ), образуются существительные, обозначающие носителей соответствующей черты характера, например, *адаб гъечлев* ‘безнравственный’ – *адабгъечл* ‘невежа, нахал, циник’, *гурх1ел гъечлев* ‘безжалостный’ – *гурх1елгъечл* ‘безжалостный, беспощадный, немилосердный человек’, *г1амал берцинав* ‘благодарный’ – *г1амалберцин* ‘благодарный человек’. Имена лиц с компонентом *гъечл*, как правило, несут сему негативной оценки. Данный способ словообразования не продуктивен.

3.2. Трехсловные сочетания

Тип А: сочетания, в которых первый и второй компонент представляют собой эмфатическую рефлексивную конструкцию «сам + себя», соответствующую компонентам *само-* и *self-* в русских и английских переводных эквивалентах, а третий – отрицательное прилагательное; их общая внутренняя форма – «такой, для которого постоянным свойством является участие в ситуации, обозначенной третьим компонентом по отношению к себе самому»: *живго жиндаго рак1у1арав* ‘самоуверенный’

¹ В теории моделей «Смысл ↔ Текст» прилагательные, имеющие такое словообразовательное значение, как в типах Г и Д, рассматриваются как значения лексической функции Able от соответствующего глагола, причем значение Able₁ (i) – ‘такой, который может i’, а Able₂ (i) – ‘такой, которого можно i’ [Мельчук, 1974].

(букв. ‘сам в себе уверенный’), *живго жиндиего гурав* ‘самодовольный, замкнутый, самоуверенный’ (букв. ‘сам для себя достаточный’);

Тип Б: устойчивые и идиоматичные сочетания *сундасаго нахье кьаларев* ‘беззастенчивый’ (букв. ‘ни от чего в стороне не стоящий’), *сундасаго раки гьанцӀулев* – ‘брезгливый’ (букв. ‘от всего сердца брезгающий’), *рекӀель кьвакӀи гьечлев* ‘малодушный’ (букв. ‘в сердце твердость не имеющий’), *лъазе гьира бугев* ‘любопытный’ (букв. ‘знать желание имеющий’).

Для трехсловных сочетаний также возможно слитное написание, например, *пицӀил рукьи гӀадав / пицӀилрукьи гӀадав* ‘назойливый’ (*пицӀил* ‘смола’, *рукьи* ‘латка, заплата’, *гӀадав* ‘подобный, похожий’, букв. ‘подобный латке из смолы’).

Несомненно, что словосочетания, рассмотренные в пунктах 3.1 и 3.2, являются несвободными и воспроизводимыми. Употребление подобных атрибутивных конструкций для обозначения черт характера можно наблюдать как в английском языке, например: *full of initiative* ‘инициативный’; *lacking in conscientiousness* ‘недобросовестный’, *not without a (selfish) motive* ‘небескорыстный, себе на уме’, так и в русском – не *знающий страха* (= авар. *хӀинкьи лъаларев*), *боящийся собственной тени*, *потерявший стыд и совесть* и т.п. Для контрастивного семантического исследования первостепенный интерес представляют однословные номинации черт характера, поскольку лексикализация понятия свидетельствует о его укорененности в языковом сознании, однако и фраземы представляют определенный интерес, поскольку могут в своей внутренней форме нести тот специфический признак поведения, который был положен в основу номинации черт характера.

3.3. Сочетания из четырех и более слов

В двуязычном русско-аварском словаре [Русско-аварский словарь, 1951] в качестве переводов русских прилагательных приведен целый ряд словосочетаний с числом компонентов более трех: *напсияб мурадальде гӀоло гуреб* ‘бескорыстный’ (букв. ‘личного желания ради не являющийся’), *гьудулгьялгьул нухдасан иш гьабулев* ‘дотошный’ (букв. ‘с дружественного пути дело делающий’), *жиндиего бокьяраб гурони гьабуларев* ‘деспотичный’ (букв. ‘для себя желаемое кроме не делающий’), *магӀишатиаб иш льякӀи лъалев* ‘хозяйственный’ (букв. ‘хозяйственное дело хорошо знающий’), *гӀадамзда гьорль хьвадизабизе кколѳб низам, нух лъалев* ‘тактичный’ (букв. ‘между людьми как вести себя пути знающий’), *халат бахъун цо ишалда тӀад гӀодочӀезе кӀоларев* ‘неусидчивый’ (букв. ‘долго протянув над одним делом сидеть который не может’), *гӀаммал муннагӀатазе гӀоло жиндир напсиял мурадаль*

кѳурбан гѳарулев ‘самоотверженный’ (букв. ‘ради общественной пользы своими личными мечтами жертвующий’), *тIаде бачIунеб заманалѳул хIисаб гѳабун, жо данде гѳабулев* ‘запасливый’ (букв. ‘о предстоящем времени подумав вещи вместе собирающий’), *бишун кIудияв хIакимль-ун живго вугев, бокѳа-бокѳараб гѳабулев* ‘самовластный’ (букв. ‘самым большим чиновником будучи, все что хочет делающий’).

Что касается данных сочетаний, то нам еще предстоит выяснить, какие из них являются описательными выражениями, использованными лексикографом для более точной передачи значения русских слов, а какие – воспроизводимыми фразеологическими единицами, регулярно используемыми как средство номинации черты характера.

4. Заключение

Аварский язык не имеет столь богатой деривационной морфологии, как русский и английский. В интересующей нас области, в отличие от множества адъективирующих суффиксов в русском (-н-, -лив-/ -чив-/ -ив-, -ист-/ -ичн- и т.д.) и английском языке (-ed, -some, -ful, -less, -able/-ible и др.), в аварском используется всего лишь один суффикс -а-/ -я-/ -ия. Вместе с тем, по нашим подсчетам, примерно четверть единиц данной лексико-семантической группы, вошедших в исследованные нами словари, в русском и английском языках представлена морфологически и семантически непроеизводными с синхронной точки зрения прилагательными (*наглый, наивный, храбрый, скупой, хитрый, щедрый* / *aloof, brute, brave, cruel, kind, serious* и др.), в то время как в аварском языке прилагательные, обозначающие черту характера, всегда либо морфологически, либо семантически производны. Во всех трех языках представлены прилагательные, мотивированные абстрактными понятиями, относящимися к характеру и поведению человека (совесть, стыд, корысть и др.). Однако среди аварских прилагательных нет суффиксальных отглагольных прилагательных, хотя в русском и английском языках таких прилагательных примерно столько же, сколько отыменных. Русские отглагольные суффиксальные прилагательные сопоставимы с аварскими отпричастными прилагательными, а также с атрибутивными конструкциями, возглавляемыми причастием.

Деривационная морфология аварского языка представлена лишь суффиксами. Префиксальным прилагательным русского и английского языков соответствуют аварские фраземы.

Что касается переводных эквивалентов, то для русского и английского языков можно встретить множество слов с близкой мотивацией, например, *беззаботный* – *careless*, *бесщедечный* – *heartless*, *хвастливый* – *boastful*, *честный* – *honest*. На аварский язык эти слова

переводятся преимущественно словосочетаниями или же сложными словами на основе сращения (при слитном написании). Также можно встретить эквиваленты из всех трех языков с различной мотивацией, например, *хитрый* (непроизводное слово) – *artful* (отыменное суффиксальное прилагательное) – *suxlupav* (суффиксальное прилагательное, образованное от наречия).

В аварском языке номинации характерологических свойств человека чаще выражены двух- и трехсловными коллокациями и идиомами, а также описательными конструкциями, состоящими из четырех и более слов. Совокупная доля конструкций среди номинаций черт характера в аварском языке составляет, по нашим подсчетам, около 70%, остальные – производные прилагательные. Несмотря на то, что в английском и русском языках в данной лексико-семантической группе также можно найти коллокации и идиоматические конструкции, они обычно имеют адъективные синонимы и не являются типовым и частотным средством выражения характерологических свойств.

Библиографический список / References

Аварско-русский словарь, 1967 – Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. М., 1967. [Avarsko-russkii slovar' [Avar-Russian dictionary]. Saidov M. (origin.). Moscow, 1967.]

Алексеев, 1997 – Алексеев М.Е. Аварский Язык // Языки РФ и соседних государств. Т. 1. М., 1997. С. 24–34. [Alekseev M.E. Avar. *Yazyki RF i sosednikh gosudarstv*. Vol. 1. Moscow, 1997. Pp. 24–34.]

Бабенко, 2011 – Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Бабенко Л.Г., Дьячкова Н.А., Казарин Ю.В. и др.; Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2011. [Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam [Thesaurus dictionary of Russian adjectives sorted by thematic groups]. Babenko L.G., D'yachkova N.A., Kazarin Yu.V. et al. L.G. Babenko (ed.). Moscow, 2011.]

Булыгина 1982 – Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982. [Bulygina T.V. Toward the derivation of a typology of the Russian predicates. *Semanticheskie tipy predikativ*. O.N. Seliverstova (ed.). Moscow, 1982.]

Гаджиева, 1979 – Гаджиева Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке. Махачкала, 1979. [Gadzhieva D.R. *Imya prilagatel'noe v avarskom yazyke* [Adjective in Avar language]. Makhachkala, 1979.]

Гращенко, 2000 – Гращенко П.В. Насколько универсальна адъективная категория, или Куда же ушли прилагательные? // Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Диалог'2000: В 2 т. Т. 1. Протвино, 2000. С. 53–61. [Grashchenkov P.V. Is adjectival category universal? *Trudy Mezhdunarodnogo seminaru po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam*. Dialog'2000. Vol. 1. Protvino, 2000. Pp. 53–61.]

Гращенко, 2016 – Гращенко П.В. Морфология – взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 7–35. [Grashchenkov P.V. Morphology – A view from syntax. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2016. № 6. Pp. 7–35.]

Гуревич, 2004 – Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология. М., 2004. [Gurevich V.V. *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka. Sravnitel'naya tipologiya* [Theoretical grammar of the English language. Comparative typology]. Moscow, 2004.]

Жирков, 1924 – Жирков Л.И. Грамматика аварского языка. М., 1924. [Zhirkov L.I. *Grammatika avarskogo yazyka* [The grammar of Avar language]. Moscow, 1924.]

Карашук, 1977 – Карашук П.М. Словообразование английского языка. М., 1977. [Karashchuk P.M. *Slovoobrazovanie angliiskogo yazyka* [The English word-formation]. Moscow, 1977.]

Магомедов, Алиханов, 2008 – Магомедов М.И., Алиханов С.З. Словообразование в аварском языке. Махачкала, 2008. [Magomedov M.I., Alikhanov S.Z. *Slovoobrazovanie v avarskom yazyke* [Word formation in the Avar language]. Makhachkala, 2008.]

Мельчук, 1974 – Мельчук И.А. Опыт теории моделей «Смысл – Текст». М., 1974. [Mel'chuk I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl – Tekst»* [An attempt at a theory of “Meaning – Text” linguistic models]. Moscow, 1974.]

Милетова, 2008 – Милетова Е.В. О морфологических, синтаксических и семантических характеристиках имен прилагательных и слов категории состояния в английском и русском языках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 63–1. С. 195–201. [Miletova E.V. Morphological, semantic and syntactical characteristics of adjectives and words of the state category in Russian and English. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2008. № 63–1. Pp. 195–201.]

Русско-аварский словарь / Сост. М.-С. Саидов, Ш.И. Микаилов. Махачкала, 1951. [Russko-avarskii slovar' [Russian-Avar dictionary]. Saidov M.-S., Mikhailov Sh.I. (orig.). Makhachkala, 1951.]

Русско-английский словарь, 1985 – Русско-английский словарь / Под ред. О.С. Ахмановой. М., 1985. [Russko-angliiskii slovar' [Russian-English Dictionary]. O.S. Akhmanova (ed.). Moscow, 1985.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Шведова Н.Ю. В 2 т. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. In 2 vol. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980.]

Современный аварский язык, 2012 – Современный аварский язык / Алексеев Е.М., Атаев Б.М., Магомедов М.А. и др.; Отв. ред. Самедов Дж.С., Магомедов М.А. Махачкала, 2012. [Sovremennyi avarskii yazyk [Modern Avar]. Alekseev E.M., Ataev B.M., Magomedov M.A. et al. Samedov G.S., Magomedov M.A. (eds). Makhachkala, 2012.]

ABBY Lingvo – ABBYY Lingvo 12 Smartphone. URL: https://www.abbyy.com/ru-ru/support/lingvo_12_smart/.

Charachidze, 1981 – Charachidze G. Grammaire de la langue Avar (langue du Caucase Nord-Est). Paris, 1981.

Статья поступила в редакцию 30.03.2017

The article was received on 30.03.2017

Ярбилова Патимат Раджабовна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Jarbilova Patimat R. – graduate student of Department of Theoretical and Applied Linguistics of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: costa-del-sol@mail.ru

Кобозева Ирина Михайловна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Kobozeva Irina M. – Dr. Phil. Hab.; Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: kobozeva@list.ru

М.И. Волкова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

Дидактический потенциал актерской байки и анекдота в обучении русскому языку как иностранному будущих актеров и режиссеров

В статье рассматривается возможность использования анекдотов на театральную тему и актерских байок при обучении русскому языку как иностранному будущих актеров и режиссеров. Актуальность и практическая значимость статьи – в раскрытии дидактического потенциала анекдота и актерской байки для дальнейшего их применения в качестве методического материала на занятиях по русскому языку как иностранному, включения в учебники и учебные пособия.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, анекдот, актерская байка, профессиональный театральный дискурс.

M.I. Volkova

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow 117485, Russian Federation

Didactic potential of actors funny stories and anecdotes in the teaching of Russian as a foreign language for future actors and directors

The purpose of this article is to consider the use of theatrical anecdotes and actor's funny stories in the teaching of Russian as a foreign language for future actors and directors. Relevance and practical significance of the article is to reveal

the didactic potential of the anecdote and actor's funny stories to further their use as teaching material in the lessons of Russian as a foreign language, inclusion this in textbooks and manuals.

Key words: Russian as a foreign language, the actor's funny story, the anecdote, the professional theatrical discourse.

Профессиональное становление будущих актеров и режиссеров – трудоемкий и многогранный процесс, во много раз усложняющийся в условиях иноязычной действительности. Перед иностранными учащимися российских театральных вузов стоит непростая задача одновременного усвоения основ профессии и русского языка, который часто изучается «с нуля». За относительно короткий период обучения русскому языку в театральном вузе у учащегося должна сформироваться коммуникативная компетенция, без которой невозможна его интеграция в русскоязычное профессиональное сообщество.

«Анекдот – это короткий связный текст <...>, произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему (впрочем, понимание анекдота требует иногда от слушающего некоторого усилия), произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства» [Шмелева, Шмелев, 2002, с. 26].

Существует огромное количество классификаций анекдотов, что вызвано многообразием их тематики, формы, персонажей, объема, способов создания. Как правило, анекдоты анонимны, их первичная форма существования – устная, с множеством интерпретаций, некоторые из которых приобретают вторичную форму бытования – письменную. Герои анекдотов стереотипны, пародийны, типизированы по какому-либо признаку: национальной, социальной, профессиональной принадлежности.

В настоящей статье рассматриваются различные образцы анекдотов, объединенные темой «театр». При отборе анекдотов на театральную тему нельзя обойти вниманием близкий к анекдоту жанр, очень популярный в театральной среде – актерскую (или театральную) байку. Оба названия данного жанра – «актерская байка» и «театральная байка» – равнозначны, однако в профессиональной театральной среде преобладает определение «актерская», т.к. именно актерам, как правило, приписывается авторство баек.

Байка как литературный жанр берет свое начало из народного фольклора. В словаре В.И. Даля указано, что само это слово произошло

от глагола *баить*, *байкать* в значении «говорить, болтать, рассказывать» [Даль, 1995]. На Руси байками называли целый ряд фольклорных жанров: колыбельные, потешки, прибаутки, сказки и другие. В современном понимании байка – самостоятельный жанр, родственник анекдоту. Как и анекдот, байка является юмористической историей, рассказываемой в уместной ситуации с целью рассмешить слушателей. Однако байка обладает и специфическими чертами. В отличие от анекдота байка большего объема, в ее основе лежит реальное или максимально приближенное к реальности курьезное событие. В байке как речевом жанре, по мнению Н.Н. Панченко, реализуется, прежде всего, гедонистическая цель – «получение удовольствия от совместного общения, релаксация, развлечение» [Панченко, 2010]. Соотношение правды и вымысла в байках варьируется. «Реальное событие, положенное в основу байки, может быть подвержено модификациям, что обусловлено: а) желанием приукрасить и тем самым вызвать эмоционально-эстетический отклик у слушающего; б) дальнейшим коммуникативным хождением байки. Содержание байки может быть полностью вымышленным» [Там же].

Актерские байки и анекдоты о театре являются частью профессионального театрального дискурса актеров и режиссеров. В театральных анекдотах и актерских байках передаются сведения о нормах поведения, традициях, особенностях коммуникации представителей театрального лингвокультурного сообщества; содержится культурологическая, страноведческая, энциклопедическая информация.

Под термином «профессиональный театральный дискурс» подразумевается коммуникация творческих работников театра в условиях их профессиональной деятельности.

Актерская байка, как правило, имеет автора, описывает множество достоверных деталей (настоящие имена, фамилии, факты биографий актеров, режиссеров, драматургов, исторических деятелей; названия театров, спектаклей, городов, конкретные даты событий). Кроме правдоподобных подробностей, байка часто обрastaет вымышленными, иногда сам сочинитель приукрашивает свою историю. Известный театральный режиссер И.Л. Райхельгауз пишет: «байка, особенно театральная, отличается от анекдота тем, что имеет документальную основу, и автор ее во многих случаях – непосредственный участник событий. Событием может стать смешная оговорка на сцене, забавный случай из реальной жизни, произошедший с конкретным, живым человеком – автором или знакомым автора, или знакомым знакомого автора... Собственно, степень мифологизации событий и персонажей зависит только от количества рассказчиков, передававших эту историю...» [Райхельгауз, 2006,

с. 66]. Некоторые, наиболее популярные, актерские байки в процессе многократного пересказа уменьшаются в размере, теряют практически все детали и сведения об источнике, превращаясь в анекдот.

Поскольку юмор – неотъемлемая составляющая творческого процесса в театре, использование анекдотов и актерских байок на занятиях по русскому языку как иностранному будет способствовать развитию у будущих актеров и режиссеров навыков общения с русскоязычными коллегами и полноценному овладению профессиональным театральным дискурсом.

Методическая база преподавателя русского языка как иностранного в театральных учебных заведениях нуждается в развитии и совершенствовании. В образовательной системе театральных вузов на данный момент не существует ни одного современного профессионально-ориентированного учебника или учебного пособия по русскому языку как иностранному для актеров и режиссеров. При разработке такого пособия или учебника важно учесть значимость анекдота и актерской байки, т.к. методическая эффективность анекдота в обучении русскому языку как иностранному была неоднократно подтверждена на практике. Например, «на начальном этапе обучения, анекдоты, как правило, сопровождают определенный грамматический материал, их чтение и заучивание закрепляет новую лексику и отработанный в упражнениях навык, помогает семантизации введенной лексики. В процессе работы над анекдотом активизируются все виды речевой деятельности: чтение, говорение, письмо» [Халиявина, 2002, с. 290].

Тексты анекдотов и байок, предназначенные для занятий по русскому языку как иностранному, требуют предварительной методической обработки. Необходимо провести анализ сложности языкового материала, оценку лингвокультурологического наполнения, адаптировать тексты к языковому уровню и национальному составу обучающихся.

При работе с существующими на сегодняшний день актерскими байками и анекдотами было замечено множество образцов, содержащих обценную лексику. Иногда нецензурные слова играют ключевую роль в сюжете, особенно в актерских байках, связанных с различными оговорками на сцене. На наш взгляд, такие анекдоты и байки по этическим соображениям не следует включать в учебники и использовать на занятиях по русскому языку как иностранному. Однако необходимо предоставить подобные материалы студентам-актерам и режиссерам для самостоятельного изучения, с возможными комментариями преподавателя. К сожалению, театральному искусству на сегодняшний день свойственны и агрессивные средства выражения, в том числе – языковые. Нецензурная лексика часто встречается в текстах современных пьес, в речи

некоторых российских режиссеров и других творческих деятелей, поэтому иностранцам необходимо понимать сами слова и контекст их употребления. Вопрос о формах и методах изучения общенной лексики в курсе русского языка как иностранного является актуальным и дискуссионным.

Целесообразность использования анекдота и актерской байки при работе с аудиторией актеров и режиссеров, кроме прочих аргументов, обусловлена изначальной «театральной» природой данных жанров. «Весь смысл анекдота, его полный комический эффект реализуется в устном воспроизведении, рассказывании, театральном разыгрывании, к которому приспособлена формальная и содержательная стереотипность анекдота-пародии. Конечно, успех анекдота во многом зависит от мастерства рассказчика, от умения передать смешной диалог в лицах, комически изобразить персонажей, выдержать необходимую паузу и эффектно представить концовку» [Химик, 2002, с. 27].

Рассмотрим наиболее интересные (с точки зрения методики русского языка как иностранного и общего содержания) примеры театральных анекдотов и актерских баек.

- (1) *Заболел актер, срочно выпустили другого, не знающего роли. Суфлер подсказывает: «В графине вы видите мать!». Актер подходит к столу, смотрит в графин: «Мама! Как ты туда попала?»*

Этот популярный театральный анекдот имеет множество вариантов. В другой интерпретации актер изначально был пьян, что и стало причиной конфуза. Вариант, представленный выше, – предпочтительнее, поскольку содержит важную профессиональную информацию о типичной ситуации в театре – срочном «вводе» на роль.

Данный материал способствует усвоению следующих грамматических тем: «Предложный падеж существительных» (анекдот построен на совпадении (омонимии) форм предложного падежа существительных *графиня* и *графин*; на занятии обязательна семантизация этих лексических единиц); «Категория рода», «Категория одушевленности/неодушевленности» (*графин*, *графиня*); «Управление глаголов» (*смотреть в/на что-либо, видеть в/на ком-либо, подходить к чему-либо*).

К тексту требуется также предварительный историко-культурологический комментарий: пояснить функции суфлера в театре; отметить, что в настоящий момент в России профессия суфлера присутствует лишь в нескольких театрах. Возможен элемент дискуссии на уроке по вопросам: «Есть ли суфлер в театрах Вашей страны?»; «Кто может выполнять функции суфлера?»; «Наличие суфлера – это хорошо или плохо?» и т.п. Языковой уровень аудитории – ориентировочно – А2.

В рамках лексической темы «Профессии, связанные с театром» на уровне А2–В1 могут быть представлены такие анекдоты:

- (2) *Драматург хвастается приятелю:*
– *И вот, когда опустился занавес, весь зал взорвался аплодисментами.*
– *А что было нарисовано на занавесе?*
- (3) – *От меня зависит, в каком свете будет представлена новая пьеса.*
– *Вы режиссер?*
– *Нет, осветитель.*

Основную сложность для понимания в обоих примерах будут представлять устойчивые выражения (*взорваться аплодисментами, представить в каком-либо свете*). Данные лексические единицы подлежат предварительной семантизации и последующему закреплению посредством упражнений. Изучение фразеологизмов, фигурирующих в профессиональном театральном дискурсе актеров и режиссеров, способствует усвоению и расширению лексического запаса учащихся, формированию их коммуникативной компетенции, обогащает культурологическими знаниями.

Темы, в рамках которых будет методически эффективны данные анекдоты: «Театральные профессии» (в контексте традиционной темы «Профессии»); драматург, осветитель, режиссер; «Управление глаголов» (*хвастаться кому-либо чем-либо, зависеть от кого-либо в чем-либо*).

Тема «Москва. Прогулка по городу» может сопровождаться такими анекдотами:

- (4) *Муж приходит с работы и говорит жене:*
– *Собирайся! В театр идем!*
Она с радостью и изумлением спрашивает:
– *В какой? В Большой?*
– *Не беспокойся, поместишься...*
- (5) *После ремонта Большого Театра его зал углубили настолько, что в промежутках между ариями слышно: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Новокузнецкая».*

Обучающийся должен владеть информацией о Большом театре, его местоположении (станция метро «Театральная», следовательно, следующая станция – Новокузнецкая) и некоторых подробностях его глобальной реконструкции (2005–2011 гг.), когда оркестровая яма театра стала одной из самых больших в мире.

Грамматические темы: «Повелительное наклонение глагола» (*собирайся, идем, не беспокойся*), «Категория лица глагола» (в данных анекдотах удачно представлены глаголы 1, 2, 3 лица, а также безличная форма *слышно*).

Актёрская байка гораздо сложнее для восприятия иностранными учащимися не только из-за ее большего размера, но и из-за объема содержащейся в ней лингвокультурологической, историко-культурной, энциклопедической и других видов информации. Например:

- (6) *Роман Виктюк поставил спектакль «Анна Каренина» в инсценировке Григория Горина. Спектакль получился отличным, но длинным: шел около пяти часов. На премьере, где-то к концу четвертого часа, один пожилой еврей наклонился к сидевшему рядом Горину и сказал: «Слушайте, я еще никогда в жизни так долго не ждал поезда!»*

Для полноценного понимания природы комической ситуации аудиторья должна владеть русским языком на уровне В1 и выше, быть знакомой с сюжетом романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», с творческими достижениями Романа Виктюка и Григория Горина, знать о тенденции к многочасовым постановкам в современном российском театре.

Возможные темы, усвоению которых будет способствовать данный текст: «Видо-временные формы глагола (на материале профессиональной лексики)» (*ставить спектакль – поставить спектакль, спектакль идет*); «Способы выражения времени (наречия времени, прилагательные, числительные)». В рамках данной темы следует обратить внимание на фразеологизм *никогда в жизни*, лексемы *длинный, долго*, словосочетания *около пяти часов, к концу четвертого часа*.

Грамматическая сторона текста для языкового уровня В1 представляет интерес инвариантом формы винительного падежа (*ждал поезда, а не ждал поезд*), повелительным наклонением глагола со значением привлечения внимания собеседника (*слушайте*). С профессиональной точки зрения важно пополнить лексический запас учащихся словом «инсценировка».

Текст байки желательно адаптировать, например, необязательно уточнять национальность зрителя (еврей). Эта деталь существенно не влияет на сюжет, но требует обширного преподавательского комментария о стереотипе национального характера еврея в русской картине мира.

- (7) *На спектакле «Евгений Онегин» в сцене дуэли героев пистолет не выстрелил. Но Онегин не растерялся и ударил Ленского ногой. Тот оказался сообразительным и с возгласом: «Какое коварство! Я все понял: сапог отравлен!» – упал и «умер».*

Комический эффект данной байки – в описании внештатной ситуации на спектакле: реквизит оказался неисправным, и от профессионализма актера зависел исход постановки. Показателен пример точного «партнерского» взаимодействия на сцене, заключающегося в моментальном нахождении выхода из ситуации. Представленная актерская байка может использоваться на занятии по русскому языку как иностранному в группах В1 и выше, поскольку требуется знание сюжета произведения «Евгений Онегин», культурологической информации об особенностях русской дуэли XIX в. Предварительно семантизируются глаголы *не растерялся*, *отравить*. Важно обратить внимание обучающихся на книжную лексику (*коварство*, *возглас*) и ее пародийную функцию в байке.

Грамматическая тема, в рамках которой уместен данный текст, – «Предложный падеж имен существительных» (на материале профессиональной театральной лексики). Следует усвоить различие в употреблении форм *в сцене* и *на сцене*, где в первом случае *сцена* – фрагмент спектакля, а во втором – сценическая площадка. Учащиеся должны обратить внимание на грамматическую форму еще одной профессиональной лексемы – на *спектакле*, которая указывает на процесс, конкретное единичное сценическое событие, исполняемое в определенных обстоятельствах: *На спектакле «Евгений Онегин» в сцене дуэли героев пистолет не выстрелил*. Форма *в спектакле* будет означать «в данном сценическом произведении», *спектакль* здесь – артефакт, произведение театрального искусства: *В спектакле режиссер использовал музыку современно композитора*.

Таким образом, анекдоты и театральные байки на занятиях по РКИ способствуют повышению коммуникативной, социокультурной и профессиональной компетенции будущих актеров и режиссеров, усиливают их мотивацию к изучению русского языка, оптимизируют процесс обучения в театральном вузе.

Библиографический список / References

Даль, 1995 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1995. [Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. T. I. Moscow, 1995.]

Панченко, 2010 – Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. [Panchenko N.N. Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya [Reliability as a communicative category]. PhD Theses. Volgograd, 2010.]

Райхельгауз, 2006 – Райхельгауз И.Л. Мы попали в запендю. М., 2006. [Raikhel'gauz I.L. My popali v zapendyu [We got in a miss]. Moscow, 2006.]

Халявина, 2012 – Халявина Д.В. Анекдот на занятиях по русскому языку как иностранному // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: Сб. ст. международного научно-практического семинара / Отв. ред. Т.В. Самосенкова, Л.Г. Петрова. Белгород, 2012. С. 290–293. [Khalyavina D.V. Anecdote in the classes in Russian as a foreign language. *Yazyk professional'nogo obshcheniya i lingvisticheskie issledovaniya*. Collection of articles of the international scientific-practical seminar. T.V. Samosenkova, L.G. Petrova (ed.). Belgorod, 2012. Pp. 290–293.]

Химик, 2002 – Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 17–31. [Khimik V.V. Anecdote as a unique phenomenon of Russian speech culture. *Anekdot kak fenomen kul'tury. Materialy kruglogo stola 16 noyabrya 2002 g.* St. Petersburg, 2002. Pp. 17–31.]

Шмелева, Шмелев, 2002 – Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002. [Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr [Russian anecdote: Text and speech genre]. Moscow, 2002.]

Статья поступила в редакцию 29.04.2017

The article was received on 29.04.2017

Волкова Мария Игоревна – аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Volkova Mariya I. – graduate student of Department of Russian Literature and Intercultural Communication of Faculty of Philology, Pushkin State Russian Language Institute

E-mail: fanshetta@yandex.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2017.2

Электронная версия журнала:
www.mpgu.rf,
см. раздел «Издания МПГУ»

Сдано в набор 20.06.2017 г.
Подписано в печать 30.06.2017 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7 п. л. Тираж 1000 экз.